

ПАШНЯ

НОЯБРЬ 2023

Электронный журнал «Пашня» – ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» – это возможность встрети текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Бураблева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Бураблева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Полина Барскова: «Поэт — это сложная смесь следования традиции и попытки работать с ней»

Раиса Ханукаева

Поэты о поэзии: говорят выпускники Creative Writing School

Аркадий Тесленко

Тихая сфера: что такое современная поэзия и где она обитает

Раиса Ханукаева

Что читать: поэзия 2023 года

Мария Фадеева

Поэзия

Nausea

Иван Кузнецов

Spoon. По мотивам рассказа Эйми Ямады «Час кошки»

Дарья Жаркова

Август дыня

Дмитрий Усенок

Античный диптих

Николай Вознесенский

Апокалипсис отменяется

Алексей Вишняков

Баллада о мигрени

Светлана Полетаева

Бываешь иногда, что хочется пройтись

Дмитрий Рычков

Вдохновение (2 x 2 = 9)

Софья Жукова

Вертер

София Симник

Ветер стих

Марина Захарова

Видеть

Булат Назмутдинов

Вижу сердечки

Ольга Шевченко

Вышли по бульварам

Андрей Клоков

Гурзуф 2002

Людмила Жилякова

Декабрь, минус пятнадцать

Вера Батура

Думала, приеду сейчас

Мария Нибатова

Ельник

Екатерина Калугина

если вы были когда-нибудь

Юлия Крячкова

Иные стихи

Маргарита Леонова

Исповедь сломанного зонта

Егор Ермолов

Когда незнакомец замолчал

Лариса Ханухова

Лепестки

Диана Константина

Мой лучший друг стал военным

Эвелина Пак

Наперечёт

Любовь Голубева

Необитаемый остров

Артём Смирнов

Непобедимая армада

Татьяна Д.

ноунеймы маргиналы хомячки

Данила Иванов

Ога начальнице

Екатерина Тумаева

Одно спасенье

Марат Хазиев

Опустившийся гений

Евгений Жерноклев

**оранжевая краска на
деревянном окне**

Татьяна Стоянова

От боли отоспаться

Ана Май

**Ох, недобroe, недобroe дело,
чего-то он хочет от меня**

Милада Беллуюн

Пасхальное

Надежда Антонова

Подари мне красную

Евгения Либеровская

Последний монолог Пандаруса

Христина Чисталева

Пречувствie

Маргарита Астанина

Рядом с бабушкой

Анастасия Сорокина

Святого прозвали Святым

Ирина Дюгаева

Сидя в вагоне, всегда исчезаешь

из жизни

Елена Солдаткина

Солнце оранжево-палевым

маслом пленуло в лицо

Наталья Грозева

Сонет

Екатерина Копытова

Сосны

Екатерина Морозова

Твои данные о мире устарели

Анна Бархина

Телепорт

Елена Борзых

Течение

Анастасия Алейникова

тут недавно в новостях

показывали

Владислава Богданова

**Ты задумался в сорок о том,
куда подевалась жизнь, хотя
понял все ещё в десять**

Наталья Пойраз

ты что делаешь?

Олег Седельников

У тополя

Елена Соколова

Электричное

Екатерина Ихильсон-Дистринова

Я торопилась домой

Анна Дмитриева

Конкурс

**Мастерская «Перевод с
английского: от сериала до
комикса»**

Смислендии CWS

Мастерская «Поэзия: как писать

стихи и выступать»

Смислендии CWS

Полина Барскова: «Поэт — это сложная смесь следования традиции и попытки работать с ней»

Раиса Ханукаева

Полина Барскова — современная поэтесса и филолог, много лет преподающая русскую литературу за рубежом. Ее творчество сравнивают с признанными мастерами слова, а ей самой важно то, как ее тексты существуют во времени и пространстве.

Мне всегда казалось, что филология и современная литература — весьма далекие сферы: литературоведы часто анализируют то, что было в прошлом, а на современные тенденции обращают не так много внимания. Как в вас уживаются творец и исследователь?

Об актуальности поэзии и литературы вообще, об отношении зарубежных студентов к произведениям Достоевского и Тургенева, а также о том, что отличает современную словесность — читайте в нашем интервью.

Вы — поэт и филолог. Как вы сами себя определяете? Больше поэт? Больше филолог?

— Поскольку я пишу буквально с детства, то всегда думала, что поэзия для меня главное. Это мой способ контакта с миром. Но больше всего на свете я любила читать. И это привело меня к филологии: опять же — любви к словам. Процесс постоянного приобретения, присваивания слов, встречи с ними, оценки — стал профессией. Но также я преподаю литературу и учю юношество, поэтому я еще и учитель. Это, как мне кажется, очень связанные вещи.

— В данный момент я преподаю курс в Беркли по самой современной русской литературе. Мы читали Оксану Васякину, Линор Горалик¹, стихотворения многих других авторов. Конечно, дико сложно читать современное с точки зрения критика и ученого. Потому что когда ты смотришь в прошлое, тебе помогают уже существующие системы оценок и иерархия. Ты знаешь, что осталось, что исчезло, что важно, а что нет. А когда ты преподаешь современность, кажется, что задача не столько обращать внимание на конкретных авторов, но на конкретные темы, явления, проявления языка. Ты не можешь быть уверен, что все это не изменится, скорее, ты можешь быть уверен в обратном. Нет опоры, но по-своему очень увлекательно.

Обращать внимание на современность — это особый вид смелости. Я сейчас много думаю о Тынянове и формалистах, которые писали о Маяковском, Пастернаке, Хлебникове, то есть о своих современниках! И мне кажется, это в высшей степени достойный, яркий пример.

Изменилось ли отношение к русской словесности в среде ваших студентов?

— Штаты очень оторваны от России и Европы, и это особенность американского сознания. Америка в каком-то смысле зациклена на себе, и все, что далеко, становится отдаленной реальностью. С аспирантами я читаю Игоря Булатовского и Марию Степанову, а со студентами — XIX век, выверенные шедевры.

Юных американцев очень волнуют резонансные тексты, но это что-то личное, не про эпоху, не про состояние общества. Когда они читают Достоевского, им кажется, что это про них. Такой нынче студент пошел: иногда в высшей степени мыслящий, тонкий, с очень развитым чувством самости, которое ищет направлений. И то, что они так жадно вбирают Достоевского, меня, конечно, поражает.

Обращать внимание на современность — это особый вид смелости

С Достоевским мне более-менее понятно: его Раскольников — бедный студент, который пытается выжить. С таким героям можно себя идентифицировать. Но что они находят в современной литературе?

— Их интересует способ выражения своих страстей и все, что связано с гендером. У нас были бурные обсуждения ф-письма и текстов Васякиной, Рымбу, Юсупова. Вопросы телесности, вопросы чувственности, развития феминизма в России, любовь-нелюбовь: все это находит отклик.

Один из главных моих вопросов к студентам, который я задаю при работе

любого текста: «Как вам кажется, насколько он про современность?» И тут потрясающей была реакция на «Отцов и детей». Студенты страдали из-за смерти Базарова. То, как он теряет и находит себя среди своих лягушек, среди своих маленьких стареньких родителей, вызвало бурю эмоций. Юных людей интересуют страсти.

Шедевры XIX века уже выверены. А у современных текстов, как вы сами сказали, «канона» пока нет. По какому принципу вы их отбираете?

— В последний раз я преподавала курс по современной литературе семь лет назад, с тех пор в моей жизни изменилось многое, если не все. И каково же было мое удивление, когда я поняла, что и тексты для нового курса тоже нужны другие. Последние четыре года были чередой катастроф, так что я выбирала тексты, которые говорят со временем и о времени. А еще те, чьи авторы ищут новые виды работы с языком.

Но вот что интересно: когда я поняла, что выбор совершен и мы с аспирантами по нему движемся, выяснилось, что почти все тексты — это травелоги. Каждый — странствие. И «Рана» Васякиной, и «Имени такого-то» Горалик¹, и «Лавр» Водолазкина.

Странствие оказалось сюжетом, который как клей связывал разные амбиции, писательские тревоги, желания. Люди в пути: такой вот диагноз я могу поставить с помощью своего курса о современной литературе.

Вы много лет живете в Штатах. Насколько вам сложно (или нет) следить за тем, что происходит в русскоязычном культурном пространстве?

— Это разные формы существования.

Когда мы разговариваем по-русски, это одна я, когда я говорю по-английски — другая. Есть особая легкость и естественность в том, что я говорю по-русски с просвещенным слушателем о русской литературе. Для меня это естественная среда и естественный способ быть.

Вернемся к Базарову, его лягушкам и его создателю. Писатель Тургенев приходил пить кофе и есть свой круассан к писателю Флоберу. Человек может существовать в разных средах и качествах, и это идеально его обогащает. Но все же это всегда диалектично, есть плюсы и минусы.

Можно сказать, что следить за литературой несложно: у нас есть интернет, есть литературные критики, к которым можно обращаться. В конце концов ты просто читаешь то, что сейчас пишут. Но мы живем в эпоху кризиса: все меняется, а когда оно меняется, то оно болит и болеет.

Недавняя поэтическая книга Полины Барской «Соскreb» вышла в Израиле. Полина работает не только как поэт: среди книг, написанных в последние несколько лет, сборник эссе «Седьмая щелочь», пьеса «Живые картины», фантастическая новелла «Отделение связи».

Что вы имеете в виду?

— Я в какой-то момент написала статью о литературе блокады с точки зрения птичьего полета. В ней я не то чтобы высказала какую-то премудрую мысль, но тем не менее: за три года (а блокада длилась три года) литература может сделать только то, что может. Но потом

она еще десятки лет будет осмыслять произошедшее.

Наступает кризис. Словесность, среди прочего, реагирует и на него, потому что мы словесны. Но мы можем делать только то, что в наших силах. Есть формы срочности. В первую очередь это, конечно, social media, но в литературе — это поэзия. И мы можем наблюдать, что после 24 февраля произошел всплеск поэтических текстов. Это было что-то невероятное. Также можно было зафиксировать и дневниковую активность. До какой-то степени дневник сегодня — это телеграм-канал или Facebook: это такие реактивные фиксации. Блокадники бесконечно вели дневники. Ведь что это такое? Это текст дня, реакция на то, что происходит сегодня.

И, наверное, ответ на ваш вопрос будет таким: следить можно, но следить сложно, потому что до чего-то не дотянуться, а что-то еще не проговорено. Насколько я могу судить, из России за остальным миром тоже следить нелегко. И очевидно, что больших форм, возникающих прямо по горячим следам, пока нет. Все-таки роман «Война и мир» был написан несколько десятилетий спустя.

Как ваше отсутствие в родной языковой среде сказывается на вашей поэзии?

— Я 25 лет не живу в России постоянно, последние четыре года я не живу там вообще. Наверное, это как-то сказывается. Мой любимый двоюродный брат, социолог, очень ценящий мои стихи, однажды спросил: «Как же ты будешь писать, когда ты не будешь слышать музыку из ларьков по дороге из метро?» Мне это запомнилось, потому что, как сказал другой специалист: «Когда бы вы знали, из какого сора...» Все-таки поэзия возникает из гниющих корочек, фантиков, Бог знает чего.

С другой стороны, весной я буду преподавать курс о русской эмиграции в XX веке. И ведь эта литература появилась и долго существовала. Она сложна, увлекательна, важна. Набоков, Тэффи, Газданов и так далее. Каким-то образом язык жил и развивался в отрыве от себя. Такая вот сильная вещь — язык.

Михаил Эдельштейн считает, что сейчас все первые впечатления перешли в сферу рутины и наступил спад поэтической волны.

— Поэтому я и настаиваю на термине «реактивность». Когда происходит что-то ужасное, ты сразу воспламеняешься, и все твое существо пытается осознать происходящее. Еще одна из важных задач «текста дня», включая поэтический «дневник», — это осознание. Дальше включаются другие механизмы. Можно назвать это нормализацией, но мне кажется, что тут все гораздо сложнее. Это похоже на то, как человек живет с горем: не то чтобы ты привыкаешь, оно просто становится частью тебя, и начинается более глубокий процесс твоего существования.

Хотела немного поговорить о ваших текстах. Как вы относитесь к попыткам разобрать «что хотел сказать автор», когда речь идет о вашем творчестве?

— Это совершенно естественный процесс, и я отношусь к этому как-то спокойно. Происходило это неоднократно, сколько-то всего обо мне уже написано. До какой-то степени интересно узнать, из чего ты сделан, что ты априоририровал. Также интересно, что ты пытаешься сделать так же, как кто-то уже делал, а что — по-другому.

Поэт — это сложная смесь следования традиции и попытки работать с ней и проговаривать что-то, нужное именно тебе, именно сегодня и только твоим голосом и с твоими инструментами. Так что, когда я читаю про себя, меня интересует не то, что мои стихи кому-то что-то напоминают: Бродского ли, Цветаеву ли, или Бодлера. Меня интересует, как человек смотрит на мои тексты в рамках сегодняшних нужд и сегодняшнего состояния.

А как вы сегодняшняя смотрите на свои юношеские стихи?

— Я воспринимаю их очень серьезно. Не в том смысле, что смотрю на них с умилением. Мне кажется, что становящийся писатель — это очень важная лаборатория. Во-первых, ты всегда «становящийся». И в этом смысле хорошим примером станет поздняя и очень странная как бы дневниковая проза Евгения Шварца, бесконечно для меня важного. В ней Шварц постоянно сам с собой обсуждает мучительную сложность своего письма.

Мы становимся собой и меняемся постоянно: и когда что-то получается, и когда что-то не получается. Поиск — это очень трудное дело. Поэтому, когда я встречаюсь со студентами, я понимаю, что им трудно, и мне трудно, они думают, что ничего не умеют, и я думаю, что ничего не умею. Это всегда заново.

Полина Барскова на встрече со студентами магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Фото Дарьи Красовской

Ваши студенты читают ваши стихи?

— Не знаю, но думаю, что да. Я пытаюсь минимально включать себя в программное изучение, это было бы совсем неловко. Но своим студентам я говорю, что я — поэт. Так устроен мой мир работы с ассоциацией, с памятью, с фокусом и рассеянностью, с включением слов и образов других людей. И я даю им знать, что, может быть, даже в преподавании и чтении я — автор.

Меня в свое время поразило то, что слово «поэзия» происходит от слова λογίσις, «состворение». Это воспроизведение какого-то состояния мира, которое, может быть, раньше не было так описано. Вот ты написал стихотворение, и оно есть, и это важный факт бытия. Не водянистое пятнышко, оно есть!

Где вы чаще всего публикуетесь?

— Сейчас чаще всего я помещаю свои тексты на страничку в Facebook. Так удобнее всего, поскольку твое сообщество может быстрее увидеть новое. Периодически возникают книжечки. Последняя, «Соскреб», вышла в Тель-Авиве, это стихи, написанные за последние два года. Но надо понимать, что сегодня книги медленно путешествуют, выходят ограниченными тиражами, иногда цензурируются, в то время как в соцсетях есть хоть какая-то свобода.

Это тоже своего рода явление, проблема и новое бытование русской поэзии: вопрос, где ее публиковать, где ее читать? И курс о русской литературе я, естественно, начну с «Колокола» Герцена. Опять и опять мы ищем, как говорить с теми, кто хочет нас слышать.

**Много ли таких, кто хочет слышать?
Кажется, современную поэзию именно**

русскоязычные читатели знают мало.

Линор Горалик¹ в своей лекции говорила про повышенные ожидания к стихотворному тексту и священную корову отечественной литературы.

— В свое время я была поражена количеством слушателей, которые пришли на фестиваль в Германии, где я читала свои стихи. Для этого и существуют встречи поэтов с читателями. В каком-то идеальном мире это не так сложно. В CWS я буду вести беседы: встречаются люди, открывают книги, читают. Просто кто-то должен все это устраивать, всего этого хотеть.

Но сегодня мы зашли в какие-то тупики, потому что современная русская поэзия, которая критически, остро и внимательно воспринимает то, что происходит, возможно, сегодня не совсем ко двору.

Вы, как кажется, все время живете с какими-то персонажами. С кем сейчас?

— Это правда. Я сейчас пишу... для себя я это называю «маленький роман», может быть, это повесть, может быть, это очень большое эссе. Его главная героиня — художница, приехавшая в Санкт-Петербург в начале XVIII века. Ее звали Доротея Гзель, и она была дочерью великой художницы и ученой Сибиллы Мериан, пронаблюдавшей метаморфоз куколки. А дочь ее хитрейшей игрой судеб в результате встречи с Петром I оказалась в Петербурге. Жила там, преподавала, рисовала и делала кунсткамеру. Была фактически первой в России женщиной-художником.

Также, поскольку мне удобнее думать в формате диалога, то вторым важным человеком в этом мире оказался Юрий Тынянов, который тоже написал поразительный текст «Восковая персона» о

кунсткамере и осмыслял, чем был ранний Петербург и что может испытывать человек, скажем, голландская художница, оказавшись там — не на своем месте, вне своей языковой природы.

Это, в каком-то смысле текст о превращении и об изменении говорящего, пишущего, а также о том, что происходит с человеком в результате острых метаморфоз. Можем ли мы так жить? Можем. Но какой ценой?

Поэтическое письмо до какой-то степени — очень тонкая физиология. Оно может приходить или нет, но с этим связана еще и практика, редактура, дисциплинированность.

Мы несколько минут назад говорили о кризисе. Не питательная ли это среда для любого автора? Когда люди пишут чаще и больше: в эпоху бури или в период покоя?

— В идеальном мире пишущему человеку нужны оба эти состояния. Мы можем придумать какие-то схемы, но каждый автор совершенно индивидуален. Наталья Крандиевская, еще одна очень любимая моя героиня, не писала большую часть жизни. А потом случалась блокада Ленинграда — города, из которого она не хотела уезжать, а до этого она рассталась с любимым человеком — Алексеем Толстым. И казалось бы, Боже мой, совершенно ужасное состояние, а она начинает писать. И пишет свои блестящие, простые, настоящие тексты.

А у вас были длительные периоды, когда тексты не писались?

— Конечно, были. Я не знаю, насколько длительные. Иногда пишешь больше, иногда меньше, иногда совершенно иссякаешь. Иногда по непонятным для тебя причинам пишешь каждый день. Поэтическое письмо до какой-то степени — очень тонкая физиология. Тут интересно, что оно может приходить или нет, но с этим связана еще и практика, редактура, дисциплинированность.

Я об этом часто думаю. В «тридцать шестой» своей жизни я занимаюсь керамикой. И там очень важно понимать, когда что-то еще можно изменить в горшке и когда уже ничего нельзя сделать: он замер, и нужно уже делать следующий. Так же и со стихотворением. Есть периоды, когда ты его еще можешь менять, а когда уже надо переходить к следующему. Все это очень живая физиологическая среда.

Самое главное, писательскому существу постоянно думать — как ты работаешь, кто ты есть? Это все-таки очень долгая история, со своими молчаниями, провалами, неудачами, которые иногда оказываются главной удачей. Бывают и паника, и борьба с собой, и сомнения. Естественно ты хочешь, чтобы у тебя все всегда получалось легко и сразу. Но недавно я посмотрела прекрасный документальный фильм про Курта Воннегута, и я в очередной раз была поражена тем, сколько он написал. Сколько написал ерунды, сколько прекрасного, как все это перемежалось. И как страшно выглядят его черновики: как «Бойня №5» — его центральный роман, это правда сражение писателя с самим собой.

Главное фото : Платонов Фест

1. Линор Горалик признана иноагентом на территории РФ[↑][↑][↑]

Поэты о поэзии: говорят Выпускники Creative Writing School

Аркадий Тесленко

Выпускники поэтических мастерских Creative Writing School продолжают писать и развивать свое мастерство и после окончания занятий. Потому что поэзия рождается из глубины души, и пока источник слов и смыслов жив, появляются стихи. Наши авторы участвуют в поэтических фестивалях и чтениях, публикуют свои стихотворения и подборки в журналах.

Мы попросили выпускников разных поэтических курсов и лабораторий Creative Writing School рассказать, почему они пишут стихи и какой видят поэзию в сегодняшней России. Стихотворения участников нашего небольшого опроса можно прочитать в этом и других выпусках журнала.

Людмила Жилякова,

**выпускница онлайн-курса
«Поэзия» и Поэтической
мастерской Евгении
Коробковой**

1. Поэзия для меня — это некая антенна, дающая доступ к чему-то, недостижимому иными способами. Когда пишешь стихи, открывается совсем иное измерение тебя, хотя, может, это уже не ты. Ну и отдельное удовольствие — играть словами. Как сказал

как-то один музыкант, которого теперь нельзя называть, рифма — это форма магии.

2. В последнее время я очень сильно переосмыслила военную и, разумеется, антивоенную поэзию. Для чтения стихов нужен контекст, так же, как и для их написания. Никогда не любила максиму Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — а сейчас вижу ее справедливость. Думаю, нужен особый вид мужества или особый вид нечувствительности к окружающей действительности, чтобы писать сейчас любовную или пейзажную лирику. Но, с другой стороны, это прекрасная форма эскапизма.

Данила Иванов,

**выпускник онлайн-курса
«Поэзия»**

1. На вопрос «почему» практически невозможно ответить, потому что стихи — это то, что на тебя «находит». Это некая бессловесная информация, для которой настало время проявиться в виде текста. Иногда может прийти просто строчка. Иногда приходит произведение целиком, как правило, это ощущается заранее. Описать свою правду в моменте, быть полностью сосредоточенным на

ней — у этого чувства, мне кажется, нет аналогов.

2. Прежде всего на ум приходит фрагментарность, осколочность — чем дальше, тем больше способы поэтического говорения индивидуализируются. Их носители могут объединяться в течения и отстаивать похожие идеалы, вступать в конфронтацию друг с другом, но поэзия, в сущности, дело глубоко одиночное и одинокое. Означает ли тенденция к индивидуализации высказывания, что теперь поэтов стало больше? Возможно. Надеюсь, вместе с этим возрастёт и количество попыток по-настоящему, а не умозрительно понять друг друга.

Дмитрий Усенок,

выпускник Поэтической мастерской Дмитрия Быкова¹ и лаборатории верлибра в проекте «Маяковский. Поэт перемен», проходившей при участии Creative Writing School

1. Быть поэтом — значит быть честным свидетелем пережитого опыта. Внешнее или внутреннее событие — всегда повод для художественного текста. Пишу, чтобы быть интереснее для самого себя.

2. Беспрецедентное количество поэтов при почти полном равнодушии читателей.

Дмитрий Усенок на выступлении в Новом Манеже во время Ночи музеев

Наталья Грозева,

выпускница онлайн-курса «Поэзия» и лаборатории верлибра в проекте «Маяковский. Поэт перемен»

1. Стихи — это стихия, рожденная словами. Мне нужна поэзия для проживания реальности. Когда что-то происходит во внешнем мире, от чего внутренний мир начинает штормить, хочется взяться за клавиатуру / ручку / заметки в телефоне и выплеснуть состояние. Стихи — это отличная терапия, через них можно говорить на любые темы свободно, с кем угодно далеким или близким.

2. Поэзия сегодня — это исповедь и смелость. Как и во все времена. В России настолько богатое поэтическое наследие, что мы все чаще обращены в прошлое и не успеваем прочесть настоящее. Но я очень люблю открывать для себя поэтов-современников, которые громко звучат и должны быть услышанными. Мне кажется, сейчас поэзия возвращается к широкому кругу читателей, можно сказать — входит в моду. И это хорошая тенденция. Может, сравнение не слишком уместное, но как когда-то психотерапию, ЗОЖ, марафоны по самопознанию и благотворительные забеги — так сейчас люди заново открывают для себя стихи.

Анастасия Алейникова,

**выпускница мастер-класса
Аллы Горбуновой в CWS
«Пишем о личном»**

1. Сейчас и всегда: чистое волшебство. Свидетельство присутствия высшего. Самый точный камертон внутреннего состояния (полгода ни строчки = плохой знак). Смысл и свет посреди / из абсурда и мрака. Способ познания / восприятия мира. Я часто думала, что больше не буду писать стихи, но каждый раз они продолжали писаться. Рада, что ошибалась.

2. Очень разной, живой и продолжающей искать новые формы и смыслы, несмотря ни на что. Находящейся в сложном положении из-за предельной честности, которой достигают авторы (если мы говорим именно о поэзии) и которая не всем сейчас может оказаться по душе. Но способной пройти и через это — не впервые.

Анастасия Алейникова на чтения «ЛитПон»

Булат Назмутдинов,

**выпускник мастер-класса
Аллы Горбуновой в CWS
«Пишем о личном» и
лаборатории «Вещество
поэзии» Пастернаковского
фестиваля, проходившей**

при участии Creative Writing School

1. Поэзия для меня не только эстетическое занятие, но и экзистенциальное. Это часть жизни, где я проговариваю важные для себя вещи, в ней я живу, в ней я меняюсь. Поэзия поддерживает своей энергией, яркостью, концентрацией смыслов и образов.

2. Поэзия для России традиционно была предельно важной частью культуры. Мне кажется, сегодня поэзия возвращается к жизни. Это уже не поэзия стадионов или миллионных тиражей, рупоров, узников чести. Скорее это сеть, оплетающая интернет, толстые журналы, творческие лаборатории и семинары. У неё сейчас множество голосов, среди которых хочется расслышать свой.

Алексей Вишняков,

**выпускник лаборатории
верлибра в проекте
«Маяковский. Поэт перемен»
и лаборатории «Вещество
поэзии» Пастернаковского
фестиваля, проходивших
при участии Creative Writing School**

1. Поэзия — это способ существования для меня-поэта. Мне нравится аналогия, проведенная Летовым: «Поэт — он пишет, потому что он такой. Вот кот, допустим, у меня ходит на кухню, потому что ему есть охота. А поэт пишет стихи».

2. Поэзию в сегодняшней России вижу то спотыкающейся на ровном месте, то на этом же ровном месте левитирующей без предварительной подготовки. Одним словом, живой!

Алексей Вишняков на выставке в Музее на фоне плаката, созданного по его стихотворению.

1. *Дмитрий Быков признан иноагентом на территории
РФ[↑]

Тихая сфера: что такое современная поэзия и где она обитает

Раиса Ханукаева

В последнее время и исследователи, и писатели говорят о неком «расцвете» современной поэзии или даже «поэтическом буме». При этом читательский интерес к стихотворным текстам вызывает множество вопросов. Так, социологи литературы фиксируют весьма низкий интерес публики к этой области: доля тех, кто называет поэзию среди своих литературных предпочтений, колеблется всего от 4 до 6%.

Где же тогда «поэтический бум», кто читает эти тексты и главное — на каких ресурсах? Давайте разбираться.

Не только наша проблема

В статье «Современная поэзия и “проблема” ее нечтения» критик, поэтесса и социолог литературы Евгения Вежлян ссылается на работы Алисы Крейг и Себастена Дюбуа, которые говорят об отсутствии интереса к современной поэзии на Западе. Согласно Дюбуа, причина тому — «автономизация» соответствующих институтов:

«Поэзия имеет свои собственные институции и издательства... собственные места проведения мероприятий и даже свои собственные газеты... издающиеся поэтами же. Являются поэтами и

многие издатели стихов (61%, по данным настоящего исследования), как и почти все критики и университетские преподаватели курсов по современной поэзии: мир современной поэзии характеризуется мультиактивностью».

Согласно исследователю, оборот поэтической продукции осуществляется только внутри профессионального сообщества. Вежлян считает такой подход несколько устаревшим, поскольку он представляет читателя только как покорного потребителя, а не как самостоятельного актора. В своей работе исследовательница делает попытку типологизировать режимы чтения и фиксирует недоверие современных читателей, особенно молодых (*sic!*), к интернет-площадкам, которым они предпочитают книги:

«Автор и читатель связаны цепочкой опосредующих инстанций — проводников, транслирующих смыслы и виды активности от первого к последнему. <...> В практике современных двадцатилетних он трансформируется в “каноническое” чтение, где полученный “в наследство” от старших, сформированный ими канон, зафиксированный в домашних книжных собраниях, становится объектом своего рода сакрализации, приводящей к интенсивному чтению — без предварительного “сканирования”. Но, будучи передан без “инструкции по применению”, этот канон не может быть пополнен наследниками за счет современной поэзии».

В то же время идет параллельный процесс «перезагрузки» интереса к современной поэзии, как раз связанный с интернетом, появлением социальных сетей и блогов. Благодаря ему оффлайновые контакты и онлайновые сетевые связи находятся в постоянном взаимодействии и дополняют друг друга, а авторам и вовлеченным читателям легче обмениваться информацией.

Жертвы канона

Но как же «вовлечь» читателя? Евгения Вежлян уверена, что, несмотря на моду, количество людей, интересующихся поэтическими новинками, в любую эпоху ничтожно мало по сравнению с количеством поклонников детективов, например. Так что специальные программы и проекты, направленные на повышение популярности стихотворных текстов, скорее всего, приведут к ничтожным результатам.

Писатель, драматург и поэт Дмитрий Данилов считает, что современная поэзия — тихая сфера, не привлекающая внимания широкой публики: «*В эпоху нулевых было много интересных поэтических фестивалей. Они и сейчас существуют, но есть ощущение, что они ушли на второй план*».

Угасший интерес к фестивалям можно списать на моду, которая, как вы понимаете, изменчива. Однако есть и постоянные факторы. Например — неприятие новых форм, продиктованное школьным каноном. Об этом в одной из лекций говорит писательница, переводчица и поэтесса Линор Горалик¹:

«Ожидание не только вызывает у нас чувство безопасности, но и повышает наше удовольствие. <...> В силу целого ряда обстоятельств у нас сложилось ощущение, что поэзия — это огромная священная корова русской культуры».

Горалик считает, что понять и полюбить современную поэзию российским читателям мешает иерархия («первый поэт — это Пушкин, второй — Лермонтов и так далее), предвкушение некоего величия от поэтического слова (поэт не говорит о бытовых вещах) и привязанность к силлабо-тонической форме стихосложения (поэзии ритма и рифмы).

Актуальность против Вечности

Что же на самом деле? Людям, близким к производству стихотворных текстов, не нужно объяснять, что в реальности поэзия может быть какой угодно. Она умеет говорить высоким слогом о самых привычных вещах и способна снижать регистр, рассуждая о «великом». Способна менять формы, используя в том числе разнообразные подручные средства (включая гипертекст), и вписываться во вполне традиционные для нашей страны способы стихосложения.

Так, в англоязычной поэзии XX века во главу угла встал верлибр. Российские авторы и исследователи литературы тоже фиксируют интерес к верлибуру, но не считают, что силлабо-тоника так уж сильно сдала позиции:

«Сам строй нашего языка дает рифмованному стиху множество возможностей. Но так и есть: складывается ощущение, что все больше и больше авторов пишет верлибром, и, возможно, со временем он станет одной из основных форм стихосложения. На качестве поэзии тип стихосложения пока не отражается. Есть десятки крупных поэтов, работающих с верлибром, столько же — с силлабо-тоникой, а есть третий тип — который пишет и то и другое», — рассказывает Дмитрий Данилов.

По его словам, похожая ситуация складывается и с темами, которые поэты поднимают в своих текстах: «Уже много лет одной из мейнстримных тем является

гендерная проблематика, в последнее время голову поднимает поэзия левого крыла. Но есть и “вечные” темы, например, тема смерти, про которую писали, пишут и будут писать».

После 24 февраля 2022 года эксперты отмечали всплеск поэзии, осмысляющей происходящее, но, по всей видимости, сегодня эта волна почти сошла:

«Событие перешло в рутину, которая все меньше и меньше возбуждает поэтические чувства в людях. Тема до сих пор тлеет, выпускаются какие-то книги, проводятся какие-то фестивали, но, как мне кажется, не с прежней силой. Я надеялся, что поэтическое слово всегда откровеннее, и рассчитывал, что люди проговорят какие-то вещи, которые не проговариваются в прозаических текстах — кажется, этого не произошло, хотя некоторые образцы были полезны для понимания того, что у людей в головах и душах», — делится впечатлением филолог Михаил Эдельштейн.

Сапожники без сапог или авторы без книг?

И все-таки эта быстро изменившаяся мода дала свои результаты, как минимум — в виде нескольких сборников. Именно антологии, по мнению Михаила Бордуновского, редактора отдела поэзии в «Эксмо», сегодня наиболее приемлемая форма для читателей, которые готовы знакомиться с современной поэзией. Однако само издательство пока сосредоточено на более популярной (и коммерчески успешной) классике:

«Будет ли “Эксмо” откликаться на интерес к сборникам, сказать не могу, сейчас у меня сейчас в работе те области, которые нужно заполнить и дать читателю качественный текст в очень хорошем переводе. Я имею в виду зарубежную поэзию XX века. В основном мы

сосредоточились на тех авторах, которые известны как прозаики, но которые писали и интересные стихи: Пабло Неруда, Джеймс Джойс, Льюис Кэрролл».

Не крупными игроками рынка едиными. Не так давно Центр Вознесенского запустил книжную серию «Центрифуга», где выходят книги современных русских и зарубежных авторов. Свои бумажные книги выпускают также «Арго-Риск», «Новое литературное обозрение», «Новое издательство», «ОГИ», «Порядок слов», Literature и многие другие. Стихотворные тексты публикуют и толстые журналы, такие как «Волга», «Зеркало», «Новый мир» или «Знамя».

Однако, несмотря на недоверие публики к интернет-публикациям, большая часть новейшей поэзии все-таки обитает в сети.

«Премию Андрея Белого-2023 в номинации “Литературные проекты” взял интернет-журнал “Флаги”. Это пример площадки, где звучат актуальные стихи. Другие известные поэтические сайты — это журнал «Воздух», проект «Транслит» (орган левой поэзии). Продолжают действовать проекты «Форма слов» и «Literratura». Появляются и новые ресурсы», — рассказывает Дмитрий Данилов.

Михаил Бордуновский отмечает и негативную тенденцию отмирания литературных журналов, редакциям которых в последние годы пришлось особенно непросто, однако говорит, что ситуацию в какой-то мере спасают социальные сети, а в частности — авторские телеграм-каналы. И это значит, что современная поэзия живет, развивается и постоянно ищет формы фиксации и хотя бы небольшой публичности.

1. Линор Горалик признана иноагентом на территории РФ[↑]

Что читать: поэзия 2023 года

Мария Фадеева

Представляем подборку поэтических новинок 2023 года, на которые стоит обратить внимание всем, кто уже пишет стихи или просто любит их читать.

**Елена
Костылева.
Cosmopolitan**

Издательство НЛО. «Новая
поэзия»

Елена Костылева — автор книг «Легко досталось», «День». Стихи, статьи и рецензии печатались в журналах «Вавилон», «Митин журнал», «Новое литературное обозрение», «Сеанс», «Логос» и в десятках популярных изданий. Книги входили в шорт-листы Всероссийской премии «Дебют» (2000) и Премии Андрея Белого (2009).

В новый сборник собраны стихи последних 20-ти лет, написанные в разных исторических и жизненных обстоятельствах, с использованием различных поэтических техник. Это откровенные и смелые тексты о проблемах женщин, трудностях социализации, о природе поэзии и ее назначении.

**Екатерина
Захаркив. Версии
/ Волны**

Издательство НЛО. «Новая
поэзия»

Екатерина Захаркив — поэтесса, лингвист. Занимается изучением современной поэзии в аспекте лингвопрагматики. Редактор и соосновательница проектов «Ф-письмо», «ГРЁЗА», альманах-огонь. Лауреатка Премии Аркадия Драгомощенко (2016). Автор поэтической книги «Felicity Conditions» (М.: АРГО-РИСК, 2017). Стихи переведены на английский, испанский, польский, латышский, китайский языки и печатались в журналах «НЛО», «Зеркало», «Носорог», «Двоеточие», «Цирк “Олимп+TV”», «Lana Turner», «Punctum», «Soloneba» и др.

В текстах нового сборника исследуются механизмы чувствительности, направленной как на внутренний опыт, так и на внешние обстоятельства, которые его породили — информационные, политические, дискурсивные.

Елена Михайлик. Не с той стороны Земли

Издательство НЛО. «Новая поэзия»

Елена Михайлик – доктор философии. Родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 года живет в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Победитель премии Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019) за монографию, посвященную творчеству Варлама Шаламова.

В новом сборнике поэтессы рисует мир, полный странного, страшного и тревожного. Это мир-фантасмагория, где сказка сплетается с фольклором и кажется более настоящей, чем реальность.

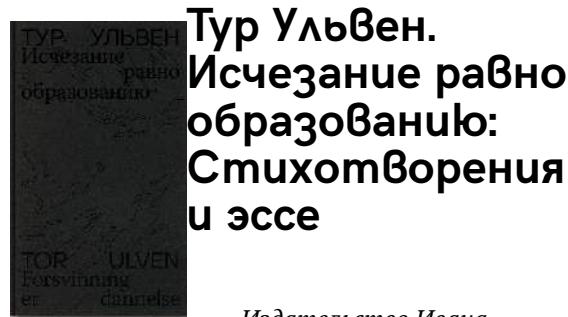
Игорь Булатовский. Аврам-трава

Издательство НЛО.
«Новая поэзия»

Игорь Булатовский – поэт, эссеист, переводчик, с 2019 года основатель и редактор издательства «Jaromir Hladik Press». Автор десяти поэтических книг. Переводчик поэзии и прозы с французского, идиша, немецкого, польского, английского. Стипендиат Фонда Иосифа Бродского (2017). Лауреат премии Андрея Белого (2022). В новой книге автор ведет разговор с поэтической традицией и с языком – о его бессилии, отравленности, надруганности, его стыдности

и стадности. Но также и о его способности говорить об этом открыто и смело.

Издательство Ивана
Лимбаха

В книгу выдающегося норвежского поэта и прозаика Тура Ульвена (1953–1995) включены полные переводы всех его прижизненных поэтических сборников (дебютный представлен обширной выборкой), переводы значительной части посмертно опубликованных стихотворений, нескольких эссе и единственного интервью Ульвена. Ряд стихотворений и эссе публикуется впервые.

Тур Ульвен признан критиками одним из важнейших скандинавских авторов второй половины XX века. Его творчество отмечено рядом литературных наград, среди которых премия издательства «Гюлдендалль» (1987), премия Хартвига Кирана (1990), премия Обстфельдера (1993), а также присуждаемая Шведской академией премия Доблоуга (1995).

Александр Гельман. Со Всеми наедине: Стихотворен ия. Дневники. Статьи. Альмар (пьеса В гвях актах)

Издательство Ивана
Лимбаха

ПАШНЯ

Александр Гельман — известный поэт, драматург, сценарист, общественный и политический деятель. Почетный доктор гуманитарных наук университета Пепердайн (Калифорния, США). Первые рассказы и очерки начал публиковать в конце 1950-х годов во время службы на Камчатке. В 1974 году по его сценарию сняли фильм «Премия», позже текст был переработан в пьесу «Протокол одного заседания», поставленную в 1975 году Г. Товстоноговым в БДТ. В середине 70-х работал в МХАТе, где были поставлены все его пьесы. Опубликовал также несколько книг стихов и эссеистики. В новый сборник сочинений, составленный к 90-летию Гельмана, вошли его лучшие стихи, эссе и пьесы.

Алексей Порвин. **Радость наша Сесиль: стихотворени я и поэма**

Издательство Ивана
Лимбаха

В поэтической речи Алексея Порвина сочетаются консерватизм формы и авангард содержания. В новой книге автор расширяет и обновляет стиль, как на уровне внешних признаков, так и на уровне смыслов. Центральную часть сборника занимает поэма «Радость наша Сесиль», написанная о гаитянской жрице культа вуду Сесиль Фатиман (Cécile Fatiman; 1771–1883), которая сыграла немаловажную роль в начале Гаитянской революции, давшей стране независимость.

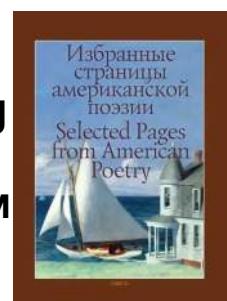
Татьяна Стоянова. **Контур тела**

Издательство *Inspiria*

Татьяна Стоянова — поэт, куратор литературных проектов, лауреат и финалист поэтических конкурсов и премий. С 2015 года занимается продвижением современной русской литературы в издательстве «Редакция Елены Шубиной». Переводит стихи с румынского, гагаузского и других языков. Публиковалась в литературных журналах «Юность», «Традиции & Авангард», «Формаслов», «Нижний Новгород», «Литературной газете», «Новых Известиях», а также в сборниках «Живые поэты. Книга II», «Возврату не подлежит» и других.

«Контур тела» — это поэтическое исследование границ между жизнью и смертью, любовью и насилием, одиночеством и близостью, семьей и сиротством, привязанностью и свободой, целостностью мира и его распадом.

Сборники переводной поэзии серии **«Билингва» под редакцией и с комментариями и Григория Кружкова**

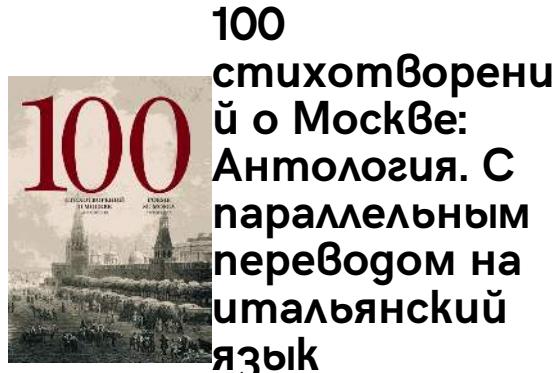

Издательство «Текст»

В серию входят новинки: сборники «Английский сонет», «Избранные страницы американской поэзии», «Избранные страницы английской поэзии», «Стихотворения» Роберта

Фроста, «Стихотворения. Эвангелина» Генри Лонгфелло.

В каждом сборнике представлены лирические, повествовательные и драматические стихи лучших американских и английских поэтов, в чьи сочинениях отчетливо прослеживается попытка ответить на все труднейшие проблемы века.

Издательство «ОГИ»

Двуязычная антология, куда включены стихи ста русских поэтов XVII–XX веков, связанные с Москвой, московским бытом и московскими реалиями разного времени. Собранные вместе, все они сплетаются в единый «московский поэтический текст», создавая выпуклый и пестрый образ нашей столицы.

Ирина Ермакова. Медное зеркало

Издательство «ОГИ»

Ирина Ермакова (р. 1951) — известный современный поэт и переводчик, автор восьми книг стихов, лауреат многих российских литературных премий, а также итальянской премии LericiPea. Её стихи переведены на два

десятика языков мира, включая основные европейские и азиатские.

В книгу вошли избранные стихотворения, написанные за тридцать с лишним лет.

Пат Инголдзи. Если ты никому не скажешь, я тоже

Издательство «Городец»

Пат Инголдзи родился в Малахайде в 1942 году и почти всю жизнь провел в Дублине. Пат — многогранный творец: поэт, прозаик, драматург, артист, человек, наделенный неповторимым сюрреалистическим воображением. В конце 1960-х на заре своей невероятно разнообразной творческой жизни он работал диджеем на ирландском радио. К тому времени он с его любовью к слову уже сочинил несколько радиосценариев, а следом — и пьес для дублинских театров. Его оригинальные телепрограммы для детей «Шляпа Пата», «Треп Пата» и «Ребята Пата» были необычайно популярны в 1980-е. «Если ты никому не скажешь...» — четвертый сборник Пата, переведенный на русский язык.

Шаши Мартынова. Окончательное доверие

Издательство «Городец»

Шаши Мартынова — переводчик, редактор, сооснователь книжного пространства и издательства «Додо Пресс», в прошлом — главный редактор издательства «Лайвбук», автор нескольких поэтических сборников и более ста живописных холстов. В

ПАШНЯ

ее переводах увидели свет десятки книг, в том числе Дж. М. Кутзее, Сальвадора Дали, Нила Геймана, Стивена Фрая, Флэнна О'Брайена, Дэвида Духовны и многих других.

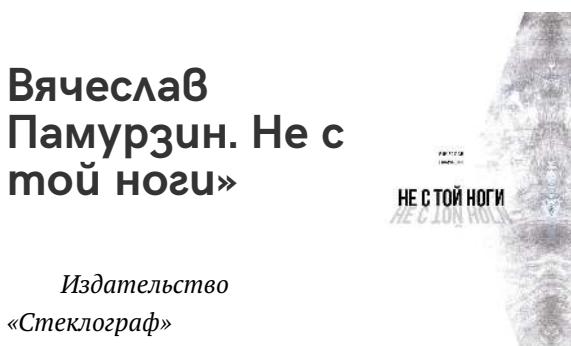
В пятый поэтический сборник переводчика, редактора и издателя Шаши Мартыновой вошли стихи, созданные в 2021–2023 годы.

Гиваргизов Артур. Сейчас- сейчас-сейчас

Издательство
«Самокат»

Артур Гиваргизов — по образованию музыкант, а по жизни поэт и волшебник, превращающий мир вокруг в стихи. В сборник «Сейчас-сейчас-сейчас» вошли стихотворения Артура Гиваргизова на круглый год. Повседневная, но чудесная в своих деталях жизнь то трогает до слёз, то колет абсурдом. На радость всем читателям, сборник завершает цикл про таксу Марка, любимца публики. И всё — в иллюстрациях Светланы Муллари.

Посмертная книга стихов Вячеслава Памурзина, в которой также размещены статьи и воспоминания об этом ярком авторе, звезда которого продолжает гореть, освещая путь каждому поэту в темноте.

В стихах Памурзина осуществляется парадокс: с помощью остранения исповедальности, иронизации ее на каком-то новом уровне проступает та собственно лирическая субстанция, которая пародировалась вроде бы на уровне более низком. В результате обыденность, удел наследников, живительная скука каждого дня поднимаются до собственно вещества поэзии, что подтверждают предшественники, не подозревающие о существовании последователей. «Не с той ноги» — памятник нашей любви и памяти, в который вложено неизмеримо много общей любви и нежности.

Анна Аликевич. Греческие

Издательство
«Формаслов»

Второй сборник поэта и критика Анны Аликевич посвящен мифологическому миру и его обитателям. Стихи населяют волшебные существа, пришедшие из разных традиций: птица Нуекта и Трехголовая собака, Геката и Эвридика, прорицательница Аполлона и деревенская ведьма. Попытка воссоздать мир прошлого, его историй и легенд — не способ отгородиться от реальности, а напротив, желание показать, что в своей сути чувства и восприятие людей всегда были сходными, что времени как такового не существует и понятие актуального очень условное.

Екатерина Малиновская. Невидимые лягушки

*Издательство
«Формаслов»*

В книге собраны стихотворения, написанные в 2020-2023 году. На страницах «Невидимых лягушек» прячется множество поэтических существ из тайных, неведомых миров. Привидения всех мастей, антропоморфные зомби,очные монстры, чьи бумажные тела испещрены строчками из Шекспира, Достоевского и Берроуза, да вечный

призрак покойной бабушки, уже родной и не страшный. В «Невидимых лягушках» автор все чаще и чаще возвращается в забытое детское лето на даче, чтобы найти, наконец, себя и услышать заветное ква.

Поэзия

Nausea

Иван Кузнецов

The chilling breeze on top of the yacht
Is a moment many would use to brag
Sun melting into the sea, like sea salt on skin.
This evening is so still and teal water like silk
Fluttering on Aegean wind
I'm trying to be a Mediterranean kid.
But where does the nausea come from?

Turkey land keeps tight the anchor
But Aperol has a core of an evening sun in Veneto
I drink it to get rid of my sickness
And happily fall into the water abyss
To get the seawater fishy kiss
And its whipped splash into my nostrils
Right from the dome of the oysters
Life cannot get better for a boy from the ghetto
But where does the nausea come from?

Поэзия

Spoon. По мотивам рассказа Эйми Ямады «Час кошки»

Дарья Жаркова

В мире нет ничего прекраснее твоей широкой чёрной спины.
Известно, что все девицы в округе давно в тебя влюблены.
Но я не одна из многих. Клянусь: я редкий подарок.
Спун, даже воздух вокруг тебя — и тот дьявольски жарок.
Что за нелепое имя, Спун? Почему ты «ложка»?
Счастливец, рождённый с ложкой во рту? Но ведь ты немножко
Растерял своё счастье в дешёвых барах и гнусных притонах,
Живущих вне времени, вне добродетелей, вне законов.
Под солнцем таким, как мы, вряд ли отыщется место.
Baby, скажи честно, когда закончилось твоё детство?
Когда у тебя на глазах родной отец обесчестил сестрёнку?
Когда через девять месяцев она родила от него ребёнка?
О самых мрачных событиях ты слагал красивые песни,
Бедный мальчик, ты думал, что жизнь впереди куда интересней:
Наркотики, доступные женщины, армия, военно-морская база,
С которой ты убежал. Теперь мы вместе. И это опасно.
Однажды тебя отправят обратно, а я, разумеется, сдохну.
Я по тебе дурацким неизлечимым образом сохну.
Спун, ты пахнешь Гарлемом. Это вонь унижений.
Но я не могу заснуть без твоих первобытных движений.
О, пощади меня, honey. Я насквозь пропитана ядом
Испарений твоей любви, когда ты со мною рядом.
Когда ты рядом, вокруг возникают диковинные картины,
Они красиво плывут, но всегда проплывают мимо.
Darling, твои «дорожки» безупречны и белоснежны.
Всё горит у тебя в руках, лишь целовать не умеешь нежно.
Первой сотне женщин твоих было не до глупых прелюдий.
Спун, мне кажется, мы самые пропащие в мире люди.
Но как хорошо нам вместе. Боже, я просто таю.
В твоих огромных чёрных руках до неба взлетаю.
И проливаюсь разноцветным дождём из лимонада.
Не уходи от меня никогда. Никуда. Не надо.
Я полюбила африканскую кухню, это обилие специй.
Варю суп из арахиса и жарю цыпленка с перцем.
А ревность показывается то серой крысой, то рыжей жабой,
То чёрной змеёй с омерзительным тоненьким жалом.
Однажды раздастся звонок в двери моей квартиры:
— Вы знаете Джона Джонсона, американского дезертира?
Покажут мне твоё фото и ордер на обыск покажут,
Нагло ворнутся внутрь и тебя повяжут.
И я взвою от обиды и боли, как дикая кошка.
Что там сверкает так ярко в углу? Твоя несчастная ложка...

Август дыня

Дмитрий Усенок

* * *

Август дыня
Август арбуз
Выплюну косточки
Узнаю, какова его мякоть
На вкус

Воздух разносит тревожные вести
По закоулкам планеты
Качает ветви и треплет листья
В густых лесах
Случайная птица тяжёлым крылом
Машет и разгоняет
Капли нашатыря
Сверкающие в волосах
— всё пьянеет, рябит
кроны качаются как кадило —
Птица летит и теряется
В отражении озера голубом

Говорят
Осталось жить
Около трёх часов
Под землёй шевелится глубоко
Древнее зло
Хочет оно
Чтобы в летнем тумане пепельном
Вылетел чёрный ястреб
Хочет, чтобы навеки
Не было никого

Вылетит птичка
Выронит божий квадратный сыр
Август сияет
Август звенит
Земля круглая
Покрутишь послание на ладони
Откроешь тайные смыслы
Получится
Дыр бул щыл

Отовсюду заметно
Повсюду понятно
Только не здесь
Не тут
Где лучи солнца
Разрезают болотный больной туман
Что ты мнёшься
Чего бормочешь
Говори наконец-то чётко и внятно
Осталось ещё пять минут
Август большой квадратный
Неудобный и яркий

Когда птица навстречу вылетит
Начинайте бояться
Остановитесь
Слышите, как
Сирены ревут
Темнеет в глазах
Кажется, всё
Заберите меня
Вот и навстречу парят
Крылатые нимфы
И выходят
Полупрозрачные санитарки

Античный диптих

Николай Вознесенский

1. Продолжение баллады

Но соблазнять не смей меня своей свободой.

О, ты умен! Тебя мне не смутиТЬ моей свободой.
Ты предан Риму более, чем повелитель твой.
Но вот нубиец новый стал хозяину угоден.
И только ждет, чтоб повернулся ты к нему спиной.

Ему не стану про свою свободу тоже
В сеть ловчую сплетать из слов узор.
Лишь подскажу, что на свободе сможет
Он взять в рабыни всех твоих сестер.

Так будет. Ты поймешь, и это примешь должным.
Патрицием стал раб. Кто бы помыслить мог?
Белила правнучки твои втирают в кожу
Лба. Проступает рабское клеймо.

2. В Спарте

Как детей больных
Убивали в Спарте?
Сажали за парту их
И забивали партой.

Как стариков больных
Убивали в Спарте?
Водили по карте их
И сталкивали с карты.

Как всех остальных
Убивали в Спарте?
Азарт возбуждали в них
И стравливали в азарте.

Как столько больных
Находили в Спарте?
Болен каждый, кто тих,
Кто не бьется за карту.

Встать! Суд истории тихо-
Тихо идет из-под парты.
Историков только слепых
В живых оставляли в Спарте.

Апокалипсис отменяется

Алексей Вишняков

Возле нашего дома
Есть автобусная остановка.
С красной крышей на случай сильного дождя,
С зелёной скамейкой
На случай длительного ожидания.
Всё как положено.
Только вот автобусы здесь не останавливаются —
Они проезжают мимо.
К тому же от «остановки»
Их отделяют припаркованные автомобили.
А ты сидишь на зелёной скамейке;
Ты уверен, что знаешь расписание
Другого общественного транспорта —
Четырех инфернальных коней:
Белого,
Рыжего,
Вороного
И бледного.
Подойдёт любой
(Конечная у них одна).
Но куда ты торопишься?
«Твоя информация неверна,
Кони сняты с производства, и вообще,
В текущих условиях
Апокалипсис не может быть проведён...»
Ты читаешь это сообщение и думаешь:
Опять остановкой ошибся.
«А как мне попасть на вокзал?»
Уж там-то подстелешь соломку —
За ранее купишь билет,
Может, и выйдешь в итоге пораньше.
Ты гоняешь по кругу приятные мысли,
А в это время в твоей груди
Надрывается уже шестая
Ангельская труба.

Поэзия

Баллада о мигрени

Светлана Полетаева

Тот город у подножья гор,
Что стёрт с лица земли,
О нём доселе длится спор,
И всё молва бурлит.
Был город славен и силён,
В нём замок до небес,
Вокруг зелёною стеной
Непроходимый лес.
Град возведён был на века,
Не взять мечом, огнём,
И не сыскать ни сироту,
Ни нищеброда в нём.
Там благоденствует народ,
И в помошь брату брат,
Девичий хохот, детский смех
Ручьями там журчат.
Но как-то стражники нашли
Малютку у ворот,
Согрели на своей груди
Тот незаконный плод.
Девчушка выросла у них,
Хоть странною была:
Играла, пела по ночам,
А целый день спала.
Куриных косточек горшок
За месяц накопив,
В ночь полнолуния
У ворот закапывала их.
И были люди к ней добры,
Она им всем как дочь,
Считали, город стерегла,
Когда спускалась ночь.
И в самый тёмный час ночной
Её мелькала тень,
Но был мучительный недуг
У девушки — мигрень.
От боли стонет — волчий вой
Ей вторит до утра.
От боли головной умом,
Знать, тронулась она.
А дальше, верите иль нет,
Но так плела молва:
У девицы одной мигрень,
А сходят все с ума.
И ночи те, так вспоминал
Один седой старик,
Не спал уже никто, вокруг
Огни, и лай, и крик.
И что происходило там,
Никто не мог понять:
По одному идут в постель,
А утром их там пять.
И видели, как у огня
Овца, козёл и вол
Вели на разных языках

Свой философский спор.
Днём девушки ласкали слух —
Молитвы и псалмы, —
А ночью пели песни шлюх,
Что похоти полны.
И через год сто старых дев
Родили малышей.
Вот тут уж городской совет
Собрался гнать взашей
Девицу ту и, пригрозив
Всем, у кого мигрень,
Решили: это признак ведьм,
Конечно, ясен пень.
Охотники на ведьм пришли,
Покуда светел день.
И деву спящей увезли
За тридевять земель.
Благопристойною женой
Она очаг хранит,
Из супа кости пзам кладёт,
Ночами крепко спит.
А в городок, куда вовек
Не возвратится ей,
Пришла смертельная тоска
И душит там людей.
Телята мрут, земля — суха,
И горек каждый день.
Где наша девочка сейчас?
И где её мигрень?
Сам извлекай себе мораль,
Её искать мне лень.
Виной тому — виной всему —
Я и моя мигрень.

Бывает иногда, что хочется пройтись

Дмитрий Рычков

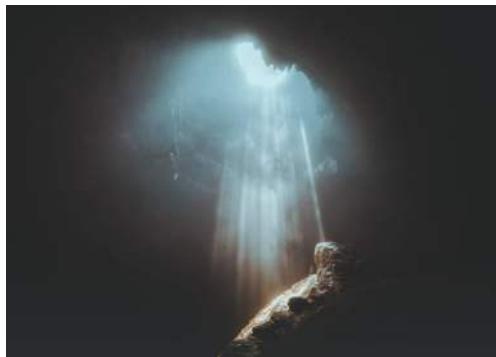
* * *

Бывает иногда, что хочется пройтись:
Идти, идти, идти, упёршись в землю взглядом.
Тяжёлой головы не поднимая ввысь,
Осенним тёплым днём. Под шёпот листопада.

Нет-нет, всё хорошо. Ещё тепло и свет
От высоты небес питает всю округу.
Мы с осенью сейчас пока что тет-а-тет.
Не лучшие, но всё ж почти друзья друг другу.

Идти, идти, идти. До самой темноты.
От лета до зимы — и дальше по маршруту.
Представить, что летишь, как листьев лоскуты,
Почувствовать, как век сжимается в минуту.

Забыть, откуда ты и как сюда пришёл,
Задать себе вопрос — и, не найдя ответа,
Опять идти туда, где будет хорошо
Ждать лета...

Вдохновение ($2 \times 2 = 9$)

Софья Жукова

Не жалей себя,
ведь я
не жалею тебя.
Пой,
как поет лес,
встречая проворный ветер.
Плачь,
как плачет земля,
измученная лучами.
Счастье твоё —
жёлтый меч,
рассекающий пустоту.
Горе твоё —
истошный крик,
застывший в камне.
Любовь твоя —
солнце, кипящее
в распахнутом жерле.

Я всегда
хочу больше.

Ты видишь людей,
а я вижу их
плоские следы.
Ты слышишь город,
а я слышу его
тихую исповедь.
Ты чувствуешь боль,
а я сделаю тебе
больнее.
Ты умножаешь
два на два
и получаешь
девять.
Я умножаю
твою судьбу
на твой Голос
и получаю
поэта.

Вертер

София Ситник

Дочитала сегодня «Страдания юного Вертера»
и в состоянии крайнего нервного возбуждения вышла в глухой парк под окнами размять мысли.

Шла к родному и близкому, но родное и близкое, потрясая иглами на высоте трех человеческих ростов, сказала: здесь висит слишком много твоих историй, нам тяжело.

Ужалило.
Убежала туда, где не ходят, и листья намного тоньше, неправляются с ревом подъемных кранов.

Раны на тех деревьях чернели трубками писем — так речи Вертера сжигали бумагу.

Он говорил:
Создатель не будет злиться, если его дитя вернется домой чуть раньше.

Он говорил:
так больно
не быть
с предназначенной небом.

Он говорил
и писал письма,
а потом застрелился из пистолетов,
снятых ею со стены.

Подло.

Звуки подъемных кранов
дрожали
на тусклых ветках.
Я тебе говорила:
такие простые истории
нельзя понимать буквально.
Их
надо читать как поэзию.

Оказалась слишком права.
Слишком сильно открылась
этим словам навстречу.

Ветер стоял над кроной,
я тебе говорила:
Вертер,
должно быть,
спятил,
но я его понимаю.
Отчасти.

Писем
не пишу
и не собираюсь.

Я много тебе говорила,
но,
пока шла
вдоль задущенных шумом листвьев,
стало легче,
и замолчала.

Ветер стих

Марина Захарова

когда с неба исчезла луна, в тёмном своде остались проседи,
ветер пришел тихой поступью, застенал, поднял с постелей.

они смотрели, как догорают их сны,
досиня, ничего не ели,
зажигали костры, согревали землю.

прощались. руками вгрызались, ломая ногти,
хватали чёрные горсти ртами. гостей ждали.

ах, если бы можно всю её выесть. ничего не оставить.
даже известье.

сырость вонзилась в вены, сколько их тут убиенных.
с верой в мир светлый, рыли друг другу могилы,
иней искрился на лицах, чёрными стали жилы,
будут стоять, пока живы.

ни клочка не уступят,
пусть хоть идут по трупам,
чужаков бурей гнева разрушат.
снежным вихрем завьюжат, закружат.
ничего не оставят. ни моря, ни суши.

выбрали самую старую
и самую молодую
и отправили нести собой
память,
кровь

они оставили кров,
шли, убаюканные ветрами,
продираясь в тумане
на звон колоколов

беженки, голодранки,
едва уцелевшие,
молчали, боясь расплескать
буквы из родных слов

ветер вёл в степи,
в спины толкал,
чтобы никто не заметил,
не догнал

отвлекал борзых от
ступней босых,
насыпи воздвигал,
рытвины прорывал,
чтобы не прошли
псы

обнимал,
укутывал,
чтобы не проронили
ни одной слезы,
зыбью пронизывал
поля ржи

в колосках прятал,
отводил смрад
проклятый,
убирал
страх утраты

в бой последний
вступил

в лучах заката
алыми ливнями взвыл,
что не справился,
не победил

укрыл в пыльный саван
обеих,
нагих

и стих

Видеть

Булат Назмутдинов

* * *

Весна моя — таз без дна,
Оттого и сыра земля.
Слишком быстрый ветра,
Несущие журавля.

Уже не дрожит в глазах
Молочная слепота.
И баловни-ледники
Сползают едва с хребта.

И мраморной крошки взвесь
Сбивается в округа.
Газон запаршивлен весь:
Остаточные снега.

Проплешины облаков
Насмешливо голубы.
Отравленный дым весны
Завис у твоей губы.

* * *

Холодная улица будит людей
Дыханьем своим по утрам.
По камню стучат. И идут по воде
На службу к чужим городам.

Идут на криклию службу свою
В распахнутый свой open space.
В душистых рубашках о чём-то поют,
Когда отправляются в рейс.

Поют очень тихо несвежим баском
Про тридцать рассеянных лет,
Запретных подруг, невозвратный билет
В семью, ипотеку и дом.

О том, что расскажешь себе за углом,
На площади не говорят.
Мой лодочник машет упругим веслом,
Дунай упирается в Сад

Земных наслаждений, альпийских витрин,
Большой, золотистый излом.
Здесь каждый дурак — сам себе господин,
И ветер так пахнет костром.

Как Вена, тускнеем мы день ото дня,
Но я не хочу быть собой.
Поставь на айфон вместо Босха меня
С раскрашенной головой.

Поликрат

О, прошло много лет, и квартира уснула:
Ты уехала в порт лишь с одним рюкзаком.
Но однажды, за полночь, окно мне моргнуло,
Голубой океан подавился кольцом.

И тебя мне вернул, эти верные руки
На волнах легких чувств вновь качали тебя.
Стал мой март золотым, и завистливой скуке
Надоело смотреть на прыжки воробья.

Тёплый сумрак нам пел городские баллады,
Дождь по крышам стучал серебристым ключом.
Я смотрел тебе вслед, и оттенки помады
Щекотали мне щёки душистым платком.

Горько плакал в порту годовалый ребёнок,
Но тебя я на пирсе увидел одну.
Голова закружилась, как рыжий котёнок,
Моя жизнь и кольцо покатились ко дну.

* * *

Пахнет тобою и небом над нами —
Облаком серым / косым дождём.
Влажными досками и грибами,
Ягодой прелой и старым сном.

Там за созвездиями чужими —
Таинства памяти и мечты.
Я так тоскую, что в снах моими
Кажутся мне все твои черты.

* * *

В эти тихие дни
я хочу тебя видеть,
а ты у холодного моря,
где бьют ключи и идут дожди,
снимаешь на видео смерч
и пишешь про узкий каньон,
до которого ехать почти шесть часов.

Я получаю твои сообщения
и засыпаю.
Сны мои снова свободны
от взглядов с улыбкой —
в них свожу счёты со старыми страхами,
в них я такой,
каким был до встречи с тобой.
Сны предсказуемы и одномерны,
тесны, но я так хочу спать,
ускоряя часы.
Я хочу тебя видеть.

А ты пишешь кратко,
молчишь,
улыбаешься ярко, наверно,
когда я звоню, и смотришь на облако.
Тихо дрожишь
и выходишь на берег,
прячась от холода
в лён полотенца.

В пене, как в извести,
прежде лазурное море.
Ты же спокойна и радостна.
Я так хочу тебя видеть,
а не загадывать,
как же ты выглядишь,
чем же ты дышишь,
о чём говоришь,
куда молча смотришь.

Хочу, чтобы время приблизило
город с миллионом домов
и горевшим асфальтом.
Хочется слышать твой вдох —
словно дождь после долгого лета,
встретить тебя в тот же день,
когда смог, словно в сите, рассеют
и погаснет зажженное небо,
когда воды в реке перестанут кипеть,
а сухая трава станет войлоком.

Но оба мы знаем, что
он никогда не рассеется,
что небо такое не гаснет,
река будет вечно кипеть,
а лодка — стоять посредине.
И — мы удивляться, зачем, почему,
когда всё, сгорая, плывет по течению,
мы застыаем,
и каждый из нас
ловит во взгляде другого
своё отражение.

Вижу сердечки

Ольга Шевченко

* * *

Вижу сердечки.
Хрупкие линии

бледно-розовым мелом
на тротуарной плитке,

пыльно-серой, с тусклыми кирпично-
красными квадратами внутри желтоватых.

В центре каждого [квадрата] — сердце.
В сторону острых сердечных стрелок иду.

След обрывается. Останавливаюсь.
Улыбаюсь: здесь история началась.

Здесь история начинается...

<>

каждый из нас по-своему мел

который
пачкая пальцы, оставляет следы

[портится в сырости
крошится в чьих-то руках
неумелых
ломается под давлением
стирается с умыслом или без
о чужие замыслы, вымыслы, смыслы
до бессмыслицы]

пылью оседая на пути
в чей антропоцен?

<>

Я огонек, вон тот в окне, один из многих.
Один, без многих.
Вселенная под абажуром.

Я книга, читать которую
Нет времени, забыли, разучились.
Я время.

Я сон, я снюсь сама себе.
Я целое, я часть,
Осколки. Истекло.

Я море, город, ночь,
Я дождь.
Ночь прячет город в дождь.

Вы шли по бульварам

Андрей Клоков

1.

Вы шли по бульварам,
По мокрым прямым тротуарам,
Спешили в вагоны метро, к остановкам трамвая.
Вы прятались в серых коробках,
Но были открыты,
Я чувствовал ваши сердца
В хлопотливые будни.
И так мне хотелось,
Отбросив значительность сана,
В толпе раствориться,
Сливаясь с толпой воедино,
И пасмурным утром
Спешить, как и все, на работу.
Под гулким дождем
Вскочить в уходящий троллейбус,
Где хмурый рабочий
С наколкой на крепком запястье
Во сне уронил на колени ненужную книгу.

2.

Мы были народом,
И, как мне казалось, — единственным.
Сограждане, братья, друзья!
Наш мир раскололся,
Как чаша, на две половины!
И вылилась горечь,
Которой нет горше на свете.
И мне стало страшно,
Как может быть страшно безумцу,
К которому входит с иглой добродетельный доктор
И вену опухшую колет с ехидной улыбкой.

Гурзуф 2002

Людмила Жилякова

1.

Первый день отпуска, и бац — ливень!
Это кто ж такой судьбы баловень?
Полотенце, купальник, парео тонкое,
Новая мыльница заряжена плёнкой
36 кадров... Какого ж рожна?!
Лучше бы всё-таки взяли вина
в столовой дома Коровина.

На веранде дома Коровина
ветreno, мокро и холодно.
Надежда на пляж похоронена.
Но всё-таки посмотри,
какая огромная корона
айланта у самых перил.
Она укрыться поможет нам.
Мы вымокли, но не сломлены!

Вид на убогую бухту.
В первый день так всегда, не бухти!
Ради вот этого ехали?
Это ли
бухта Чехова?
Не может быть! Не его!
Найдем ещё — мы здесь впервые
и пару часов всего.

2.

По серому скучному морю
в муаровых серых разводах
лупят крупные капли —
с серого небосвода
стрелами атакуют.
С листвьев айланта тоже
падают крупные капли,
но это уже не стрелы —
скорее летящие лужи —
ищут мишень хоть какую
и нас благодарно находят.
Могло ли быть еще хуже?

Чтобы сделать хоть что-то,
щелкаю пробное фото.

3.

Дома проявим плёнку:
берег идёт дугой,
море — графит с зелёной,
где гладкое, где рябое:
разводы морских течений;
грань меж двумя мирами
с небом слилась невечерним
в скудной белёсой гамме.
С берега рельсы стальные
в море сбегают рядами.
Лодка в воде пустая,
белая с красной полоской,
веревкой привязана к свае.
Дальше настелены доски,
за ними камни и зелень,
острые кипарисы.
В небо зубец нацелен
на оконечности мыса.
Предчувствие Адаларов.

В верхнем углу напротив
зелёные листья айланта.
Кроме нависших листьев,
всё остальное штриховкой —
расчерчено струями ливня.

4.

Одиннадцать лет миновало.
Хоть это не так и мало,
мы были всё те же с виду.
Последний приезд в Тавриду.
В горах санатория Горный
учил нас фотограф Георгий
в кадре искать привязку:
что-то малое близко —
цветок или ветку берёзки.
Иначе масштаб неясен:
что это там за ясень,
что это там за горы...
Был из Донецка Георгий.
А санаторий Горный
лечил горняков Донбасса.

Их тогда было много
по льготной путёвке нежданной.
Кто без руки, кто без ноги.
И кашляли постоянно,
куря притом папиросы
в тени кипарисов и сосен.
Пили светлое пиво,
от шведских столов в восторге.
Сколько из них теперь живы...
Где ты, фотограф Георгий...

5.

Гребёнки листьев айланта
случайный кадр оживили
и привязали память
к точке нежданного счастья,
которое только после —
сразу не распознáешь.

С тех пор айлант свои листья
сбрасывал двадцать сезонов.
Но ум как белая лодка
на тонкой непрочной веревке.
Только к тому и привязан,
что больше не существует.

Декабрь, минус пятнадцать

Вера Батуро

Декабрь, минус пятнадцать.
Детский сад, решетки на окнах — солнечные четвертинки,
Неуклюжие детские ножницы выгрызают из бумаги снежинки.
Как будто на улице их недостаточно.

Гремит расстроенное пианино,
Девочки репетируют.
Чтоб на утреннике им, кипенно-беленьким,
Стать неуклюжей метелью,
Младшей сестренкой бури,
Забинтовавшей город.
Снежные танцы встроены в ДНК
У северных народов.

Дети пишут письмо деду Морозу:
Хочу Лего, хочу лето, хочу папу.

Пиво в папе собрало сумку.
Обида из мамы вытекла и застыла сосульками.
Она теперь прямо как Снежная Королева,
Снежинки из открытого окна окружают ее густым роем,
Пока она курит.

Няня тоже курит.
Няня — снежный дракон,
Из раздраженной пасти
Вырывается дым и пар.
Мама опять опаздывает.

Каждый раз страшно:
Сегодня она не придет совсем,
Няня улетит,
Мамонтенок снова один
В облупленной мерзлоте
Детской площадки.

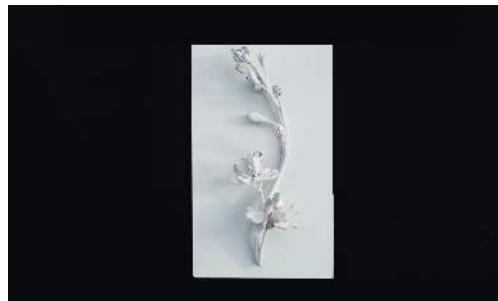
Конечно, поднимется крик:
Пропадая, ненужные дети
Сразу становятся всем нужны.
Хмурые лица, спасатели, неравнодушные,
Сотни людей выстраиваются в цепочку,
Прочесывают сосредоточенно
Изнанку ночи.

Но вот под знакомыми сапогами
Хрупает снег.
Мамонтенок с плачем несется к маме.
Она на него напускается:
Почему ты опять без варежек?

Небо молочно-бурое, мама привычно-грубая,
Мимо по улице катятся пуховики и шубы.

Позже, возможно,
Спустя двадцать лет,
У мамонтенка появится
Свой терапевт,
И на сеансах, хлюпая хоботом,
Мамонтенок будет за сотни долларов
Вновь и вновь проживать
Этот холод.

У него избегающий тип привязанности,
Машина, развод,
Обиженная слониха.
Он любит маму и Новый год.

Думала, приеду сейчас

Мария Нифатова

Думала, приеду сейчас,
Переночую с ней
Там, в больнице.
Разгадаем еще несколько кроссвордов.
Вспомню, как называется
Вулкан на Филиппинах.
Начало битвы,
Змея с мертвой хваткой.

Успела только за руку подержать.
Это называется «прощание».
Успела увидеть мутное облако,
Выплывшее изо рта.
Это называется «душа».
Успела прочувствовать ток,
Пробежавший по телу.
Это называется «смерть».

Как называется жизнь после смерти?
Хочется верить, что есть такое слово.

Ельник

Екатерина Калугина

Ель восточная (смола)

Собираю в ладони твои слёзы
Оставляю взамен свои
На моем лбу отпечатки твоих век
Выдыхаю
И ответвляюсь от тебя

Ель западная (мошкара)

Неспешный запах
Войлочного неба
И мягкие игрушки-музыканты
Раскачиваются мерно паутину
Такая смерть до ужаса картинна
Как будто напомажены статисты
Перед последней вспышкой объектива
Ослепли звезды смертью смертью поправ

Северно-южная ель (шишки)

Когда мы перемешиваемся телами
Получается коктейль Молотова
Где-то над головами созревает яичный желток
И взрывается густыми символами свободы
Когда у нас не получается уместить имена во рту

Хаан! Л'адиу
Гезель ерлэ
Ку раскани
Дзеншир эрек
Син фари ту

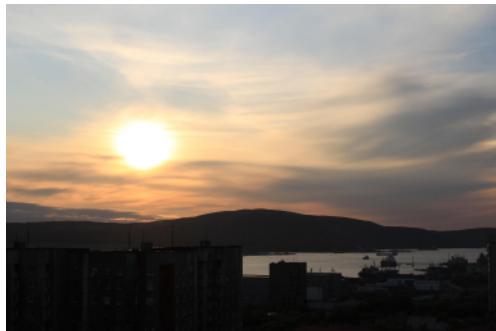
Черно-белая ель (птица)

К тебе лечу с обратной стороны
Все потому что крестиками лап
Не дотянуться до твоей макушки

В подземный нерест надо уходить
Цепляться когтем за корней огарки
Все выпить оперенье догола
Доголовокружиться от земли
Ветвиться по тебе свечной водицей

Пружиню опрометчиво пометом
Пролетом обретая брызг смолы

Поэзия

если Вы были когда-нибудь

Юлия Крячкова

[3]

если вы были когда-нибудь
в Карелии или Мурманской области,
то будет легко представить
бесконечный полярный день.
одним таким «днем» где-нибудь
в Петрозаводске
выходит часов в 12 ночи
на балкон покурить человек.
всё, что он видит, — это
стоит себе ДПСник
на совершенно пустой площади,
и нету вокруг машин.
людей там тоже нет,
а он в фуражке и с палкой,
такой полосатой, стоит.
и тот, что курить вышел,
обжигая указательный палец фильтром,
решает ему помахать.
а ДПСник как памятник,
традиционно Ленину, как в каждом
нормальном российском городе,
машет ему в ответ.

Иные стихи

Маргарита Леонова

Когда было двадцать,
я думала: здрасте!
всё будет теперь иначе.
Хоть врежьте, зарежьте,
добротно заквасьте
за городом летом на даче —
я всё поборю
и я, по-девчачьи,
ног не раздвину лежаче,
не встану по-рачьи,
всё будет иначе, иначе, иначе!

Иначе никак.
Отдамся не детям,
предамся не блуду —
своей сверхзадаче,
всему Абсолюту,
и миру, и свету,
и в самоотдаче
приму эстафету,

но нет!

Ни мира,
ни света,
ни даже расправного пира
на даче.
Я всё представляла иначе.

Куда я пришла,
зачем приходила,
планета кругла,
она б укатила,
конечно,
кабы
могла.
Здесь даже на блуд
желающих мало:
кто квасит,
гранатой кого подорвало,
есть те, у которых
вообще не вставало,
а некоторые тем паче
и сами встают по-раччи.

И вот к тридцати
проживанье земного
меня научило
(ни мало ни много):
в том доблести скучно,
чтоб жить не паскудно,
и в том, чтобы в блуде —
с семьёй или без, —
не в этом искать чудес.

А раз я стремилась
туда, где безлюдно
(где мирно,
светло,
высоко,
абсолютно),
сама убедилась,
что, в общем-то,
весь Абсолют
к чертям
разлетелся
на мелкие части
простых,
приземлённых
житейских участий:
душою живём,
телами умрём,
а я здесь вообще ни при чём.

Вот вся эстафета:
одета — раздета,
какой половой между ног,
не важно — один итог:
найдутся ли силы
смотреть, как дебилы
копают могилы,
толкают в могилы,
ныряют в могилы,
и, не отводя глаза
(ведь Бог — это
и
шиза),
уверовать, по-ребяччи:
в действительности
всё иначе.

Исповедь сломанного зонта

Егор Ермолаев

Кусочки кожи, пористой и сухой,
Мозолистый след двух ладоней,
Пяльцы над головой,
В голове пальцы,
Убранные в ножны.
С недавних пор
Не беспокоить.
Чердачная пыль, кусочки кожи.

Две тысячи дней спустя судный.
Выставил руки,
Столько лет укрывавшие от дождя в поле.
Болью в ладонях сломались спицы,
Укрывал грудью,
Сломалось нечто большее,
Чем синица
В руках.
Ненадлежащая эксплуатация
Или заводской брак.

Молния била наверняка.

Над головой твоей,
Над пяльцами
Чужой нейлон.
Ещё две тысячи через,
Через презрительный тон
Зайди на чердак,
До капли сухая,
И, каплю меня щадя,
Погладь ладони,
Сломанные уберечь тебя от дождя.

Поэзия

Когда незнакомец замолчал

Лариса Ханухова

Не исчезай, пожалуйста,
не исчезай, ты не глюк.
Почему ты вдруг замолчал?
Галоперидол и латуда
Заглушают голоса внутри.
А ты живой и снаружи,
ты наяву говорил.
С чего это вдруг делирий?
В прошлый раз Чужой
приходил и рос как ядерный гриб,
и кричал: возьми нож,
вставай, иди убивай, режь
всех подряд, убей себя.
Он вор. Залезает в мозг, топчет,
показывает чужой сон,
пугает и бубнит вздор,
Но я держалась, ты знаешь,
ты же родной. Ты – отец, правда?
Папочка, не молчи.

Продолжай. Как красиво ты
говорил про дом для меня,
для нас, повтори.

Про плитку из перламутра
глазуреванную эмалью,
которую привез из Италии.

Про то, что там у меня три спальни:
зимняя, летняя и для встреч
с будущим мужем, – и еще
есть зала для званных ужинов.

Ты будешь приходить туда
со знатной дамой. Почему
вы расстались с мамой?

Она ничего не говорит о тебе.
Я всегда мечтала увидеть отца.
У меня онемели руки, лицо и тело.
Я не могу тебя потрогать,
почувствовать твоё тепло,
Ты должен пахнуть как я.
Я не могу проверить.

Мои губы не шевелятся,
не могу произнести вслух,
но ты должен понять, что
я молю, умоляю: говори,
пожалуйста, продолжай.

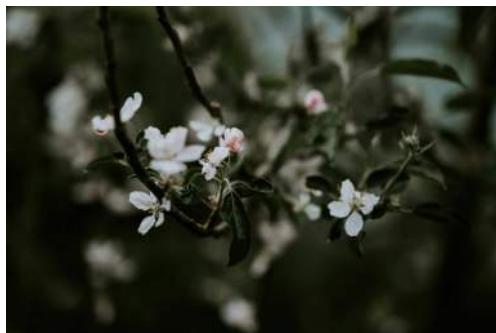
Я буду слушать опять и опять
поток твоих теплых мыслей,
твой размеренный шаг,
рассказы про Эльдорадо.

Когда я пропускаю таблетки,
голоса в голове не дают покоя.

Ты исчез. Странно, у меня лицо мокре.
Попробую пошевелить пальцами.
Ты серьезно ничего не услышал
и просто исчез? Если ты дух,

ты поймешь, я тебя очень жду.
Нет, мне не почудилось, ты приходил.

Поэзия

Лепестки

Диана Константинова

Я не видела лица людей и улицу
Растворяясь в собственном будущем горе
Лепестки отцветающих мокрых яблонь
Падали очень медленно
Будет банально сравнивать их со снегом
Всё умирает, чтобы родиться снова
Кроме людей
Останется только память
Но и она беспомощно побледнеет
Выцветет
Станет белёсой каплей
И пролетит на фоне зелёных листьев
Медленно накрывая траву, асфальт
Медленно опускаясь в стальные лужи
Встать бы под эти плакучие яблони или груши
Стать неподвижной горой
Чтобы меня засыпали весенние слёзы
Чтобы покрыться панцирем лепестков
Будет банально сравнивать их со снегом

Мой лучший друг стал военным

Эвелина Пак

Мой лучший друг стал военным,
И с тех пор между нами
сплошные тайны.
В диалогах
240 раз слово «спецслужбы» —
большинство из них сказаны в шутку,
95 слов «скучаю» —
и это по правде.
Я вспоминаю,
как мы смеялись,
часами,
присыпали друг другу
лучшее, что у нас
было.

Я забываю
о том, как дрожа
про себя повторяла:
«Не смей умирать молодым».

Наперечёт

Любовь Голубева

После того нелепого случая с динозаврами
Было время, когда все мы были кентаврами.
Гармоничные цельные существа:
Над головою небо, под ногами трава.

И вот однажды забрались мы в божественный сад,
Один гад показал нам божественный виноград.
На часах был солнечный кайнозой.
Не чуя никакого подвоха,
Мы сжевали ягоды вместе с лозой,
И вот тут-то стало нам плохо.

Потому что бог появился, как будто из-под земли.
Рассердился, конечно: «Ну как вы могли?
Третий год остаюсь без божественного вина.
И никто ведь не признается ни... за что.
Пора уже репрессировать и карать».
И мы, как динозавры, приготовились вымирать.

Тот бог был молод, неопытен и гневлив,
Из рая он не умел изгонять.
Он успокоился, только нас разделив.
Не на половинки, а на человека и коня.

Что же делать, копыта отбросить пришлось.
Но те из нас, в ком память ещё остра,
Ищут себя, примеряя коням седло
И гоняя в поле ветра.

Бзовдал

В воронке тоннеля гулко, пропала связь.
Затхлая сырость тепло обнимет капот.
Бетонное горло глотает коптящий «МАЗ»,
Что впереди к концу и свету ползёт.

Вывеска «Выход» трескуче моргнёт, как в кино.
Послышился звук осыпающихся камней.
Над головой пласты временные, но
Сквозь них наплывает какой-то чудной волной —
Там катит арба, грузины идут за ней.

Всадник навстречу им едет, при виде арбы
Гулко ему внутри, и моргает свет.
Сыростью затхлой пахнуло. «При чём здесь грибы?» —
Думает он, и страшно услышать ответ.

Горе какое, горе нам всем от ума.
Волы не идут, упираются, минут серозём.
Из глаз грузинов на всадника смотрит зима:
«Ну здравствуй, Сергеич. А мы Грибоеда везём».

* * *

Убрать чернила и достать весло,
И вытравить до дна февраль из лёгких.
Почти не ждать, но — снова повезло —
Услышать птиц: уже поют, дурёхи.

Добраться до окраины весны.
Когда с небес огонь и лёд прольются,
Не обернуться снежным соляным
Столпом. Уйти, не обернуться.

Унять в затылке зуд, смотреть вперёд
И ощущать, как режется трава и
Как тень, которая на свет идёт
Чуть сзади, постепенно оживает.

* * *

Звёзды морянкой помигивают в ночи,
Когда стоишь у окна босым.
А небо далёкое, тёмное и молчит,
Посмеиваясь в облачные усы.
И объяснить ничего скудоумным нам
Не хочет, но словно чего-то ждёт.
Ну кто мы, чтоб звать нас по именам?
И Бога игрушечный самолёт
Летит над упрямой задранной головой.
И сквозь помехи квазар хрипит
За Млечным где-то. Может, он живой?
Да нет, ничего, показалось. Спи.

* * *

Он приходит всегда в колокольную клеть
Чуть пораньше — на озеро Неро смотреть,
От бескрылого и несвободы людской
До краёв наполняясь тоской.

Всем нутром ощущает он: в мире разлад.
И верёвку потёртую, в нитях, в узлах
Зажимает он в левой, отходит назад,
Три размаха скупых — и над нами

Камертоном тягучая бронза звучит,
Вновь настраивая всё, что нужно лечить,
Всё, что сбилось, фальшивит. Покорно молчит
Древний город, как будто бы знает,

Что вселенские струны не в пальцах богов,
А в рушицах у дяди Мирона.
И качаются чайки среди облаков
На волнах колокольного звона.

* * *

Поздний сентябрь, а денёк парной —
Такие наперечёт.
Осень пергаментной пятернёй
Тронет меня за плечо.

Солнце, как в речку упавший мяч,
Плавает в глади небес.
Стелется дым меж притихших дач.
Жёлтым вскипает лес.

Густо краснеет, обняв сосну
Девичий виноград.
Что ли с дороги к пруду свернуть —
Время считать уят.

Рыжие женщины и коты
Мне улыбаются вслед.
Поздний сентябрь со мной на ты,
А я с ним всё ещё нет.

Кислит молодильных яблок сок,
Сохнут дрова на траве.
Осень целует меня в висок
И шепчет: «Живей, живей!»

Поэзия

Необитаемый остров

Артём Смирнов

Как обычно, думал о тебе,
смотрел в открытое окно,
оно не я.
Высунул руку — разбудить солнце,
хотел, чтобы рассвет начался пораньше.
А оно свернулось калачиком
и пряталось в облаках.
Я вздохнул.
Ладно, пусть спит,
успешет ещё.
Четыре утра и десять минут,
вышел на улицу.
Никого.
Но хранитель чистоты
из ГБУ Жилищник Восточного Измайлово
в синих доспехах
с оранжевым прицепом
уже победил грязь на асфальте
своими водяными пистолетами.
Свежо.
И если Бога нет, то кто был за рулём?
Становилось жарче,
и я уже был не холодным ломтиком
сливочного масла поверх каши
овсяной или пшённой,
а дешёвым липким фиником,
который плавал в сиропе,
скрывая свою натуру.
Я всё шёл и думал о тебе,
но вокруг никого не видел.
То ли потому что никого не было,
то ли потому что только тебя и видел.
Остановился.
Послышался шорох в кустах.
Это ты смеялась над моими не всегда смешными
шутками.
У нас было своё чувство юмора.
Смех сменился картинками.
Вот мы прячемся от ливня на детской площадке,
а на этой — пишу стихи на асфальте перед подъездом.
Здесь вот ревновал к твоим одногруппникам,
они-то на год старше,
но это только по паспорту.
В душе я так и остался ребёнком
или романтиком.
Ноющая боль.
Инстинктивно приложил руку,
будто поможет.
Была бы твоя — другой разговор.
Крови нет — заживёт.
Наивный.
Продолжил шагать.
Стрижи напоминали о времени года:
кричали,
носились по небу,

а я захотел проверить,
работает ли эффект Доплера.
Работает.
Частота звука и вправду менялась.
Зачем мне этот факт?
Не знаю.
Хорошо, если квантовая теория верна,
интересно, как мы влияли на наблюдаемый мир?
Ты не задумывалась?
Прошло пять лет,
это был сентябрь,
но только сейчас я понял,
что наш остров с тех пор
и стал необитаемым.

Непобедимая армада

Татьяна Д.

Пытаясь меня учить,
Мне бабушка говорила:
«Всё, внученька, может быть,
Поскольку все уже было».

Филипп, усмехаясь, посматривал вниз
С высоты своего трона:
Трусливый парад верноподданных лиц,
Желал бы он видеть их павшими ниц
Перед его короной.

Вставало солнце над крышами Лиссабона,
Песчаный берег, светло-зёленье кроны,
У моря уже расцветала магнолия,
Подчеркивая идиллию.
Спокойно шёл герцог Медина Сидония
Свою принимать флотилию.

«Сильна армада и непобедима,
Нам Лондон покорится за три дня, —
Филипп старался убедить Медину. —
Испанцы мы! Боятся все меня».

Филипп был зол. «Ей руку предлагал.
Посмела отказать Елизавета!
Я проучу тупую бабу эту.
Указ подписан. Флот уже послал.

Мне протестантский дух противен,
И пусть бы даже брак фиктивен,
На все на это, честно, мне плевать,
Но не стерплю, что ты, Елизавета,
С моим врагом посмела флиртовать!
Добро бы переспать,
Но на глазах всего честного света
Меня, меня предать!

Такого униженья не прощают
Испании великой короли». —
Филипп не сомневался, провожая
Илущие на гибель корабли.

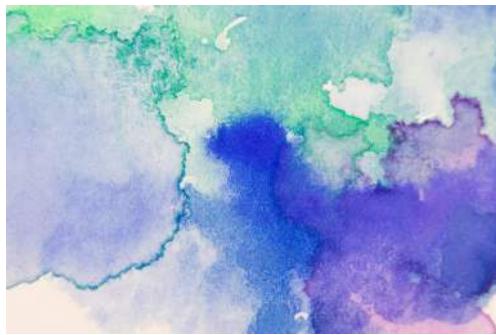
А дни всё шли, но как-то не по плану,
Хотя и ожидаемо вполне,
Потери были. «Горевать нам рано, —
Храбрился герцог, — мы же на войне».

«Однако, — размышлял он, — отчего же
Всё нет столь ожидаемых побед?
С матросами, что ль, надо бы постороже?»
«Нет, — говорят ему, — матросов нет,
Кто понимает в кораблях и море,
Иль очень мало.
Из деревень и тюрем, где попало
Собрали всякий сброд. Какое море?
Ни корабля не видели, ни боя!»

При Гравелине главное сражение:
Резня и кровь, жестокие бои,
Испанцы потерпели поражение,
И буря раскидала корабли.

А мальчики из дальних деревень
О золотых реалах так мечтали,
Романтику убийств они познали
В бессмысленном бою в тот самый день,
Когда в крови на палубе лежали.

Пусть буря, разметавшая суда,
Пусть англичан удачная засада —
Не в этом суть,
Ведь послана флотилия туда,
Где все непобедимые армады
Кончают путь.

ноунеймы маргиналы хомячки

Данила Иванов

* * *

не знал что это акварель
обычный старый дом
вид сбоку приоткрыта дверь
историй много в нём

когда художник наносил
прозрачные мазки
он словно нас изобразил
в безветрии тоски

* * *

поскольку жизнь страдание и кринж
и лучшего увы уже не будет
не унывай стой там же где стоишь
с тобою уважаемые люди
ноунеймы маргиналы хомячки
хикикомори фрики подписата
в бескрайнем океане маячки
волшебные лесные светлячки
склонивший голову в метро
уставший кто-то

* * *

я человек никогда нигде
если ты тоже привет привет
писанный вилами по воде
на каждый вопрос никакой ответ
если ты тоже никто ничто
давай с тобою дружить дружить
как некая пара коней в пальто
ржать и паясничать словом жить

* * *

не вернёшь не поймаешь и ждёшь ответ
сообщения вдали ушли
прочитали прослушали список бед
и руками лишь развели
золотистый лифт их уносит вверх
к позитивным, иным волнам
а тебе остаётся несладкий смех
с дивным горем напополам

* * *

нас выгнали из ангельского хора
и мы с тобой пошли бухать в кабак
там заседали черти шлюхи воры
и ни одной богини как же так

мы вышли напевая ту же песню
которую хоришко чинно пел
но здесь она звучала интересней
прощая нам счастливый беспредел

Поэзия

Ога начальнице

Екатерина Тумаева

О, как же повезло мне бесконечно тебя своей начальницей иметь,
И даже против моего желания твой лик по сто раз на день лицезреть.
Когда мои глаза в двенадцать ночи мечтают видеть сны, а не таблицы,
Ты милостиво молвишь мне: «Давай-ка ешё полчасика, а уж потом ложиться».
Ты так печёшься о моей фигуре, что оставляешь часто без обеда,
А чтобы лень меня не поразила, работой загружаешь до обиды.
А похвала твоя напоминает мёд, который вовремя забыли снять с огня.
Но мне приходится любить тебя такой, ведь я работаю сама и на себя.

Одно спасенье

Марат Хазиев

История созданья стансов —
Посередине всех веков —
Берёт начало из Прованса:
От дивных песенных стихов.

Труверы добывали вздохи
Из клёвых дам и квёльых жён.
Но близок был конец эпохи,
Написан в звёздах, предрешён.

Сто лет туда, сто лет сюда;
Соблазны те же, только жиже;
Строфа замкнулась, словно та
Страна, где деспот стал пониже.

Всему начало — голова
На плахе. Разве не казнив мы
Смогли б банальные слова
Возвысить до изящной рифмы?

Простая мысль страшит, а миг
Прозрения бывает жуток.
И, если ты попал в тупик,
Одно спасенье — промежуток.

Слуга, но не прислужник, нет,
Поправив свой венец терновый,
Нажмёт на паузу поэт
И стансы сочинит по новой.

Мазаринада №8
славного фрондёра Эркюля Савиньена Сирено де Бержерака

...Уходи, уходи, уходи!
Хватит, хватит кошмарить, пора.
Впереди у тебя, впереди
Горы золота и серебра.
Хочешь, хором затянем мы
Афро-, Евро- ли... Аместигон?
Если надо, споём псалмы,
Только ты убирайся вон!
Выходи, как хороший боксёр
Из карьеры — непобедим,
Как со сцены великий фарсёр;
Мы похлопаем и погалдим.
Погляди, простирается даль
В буколический окоём,
В безопасную пастораль,
Где лужайка и водоём,
Где берёзки и окушки,
В погребах разносол-маринад,
Где пастушки и пастушкі
Наплетут для тебя серенад:
«На заре ты его не буди...»,
«Невечерня» и т. п....

Уходи, уходи, уходи!
Испарись, растворись в толпе;
Сгинь в истории, сделай миф,
Пожалей же наивных нас;
Будь себе самому калиф
На застывший и вечный час.
Мы всё знаем: ты тоже устал,
Мы всё видим: ты очень уныл;
Уважать себя перестал
И поэтому, нас забыл.
Вот уже назревает душ
Из ещё не пролитых слёз.
Если любят порой за куш —
Ненавидят всегда всерьёз.
Лизоблюды уйдут с тобой
Выкаблучивать контрданс.
Мы не станем уже собой,
Но оставь нам хотя бы шанс.
Посуди, никаких рубак,
Несогласных и их забот;
Заведёшь там себе собак,
А тебя здесь заменит кот.
Пусть слуга приведёт коня,
Вы сорвётесь в лихой намёт
Далеко за границу дня,
Где и Бабушка не возьмёт.
Твой пароль будет тотчас стёрт —
Там попробуй тебя найди.
Ты уйдёшь и с тобою — чёрт.
Уходи, уходи, уходи...

Прежде чем совершить предательство, —
Если ты проиграл судьбе, —
Ненадолго оставь обстоятельства:
Вытри память по себе.

Все подробности биографии
Вырывай как сорняк — на корню,
Мемуары и фотографии —
На съеденье огню, огню.

И не мешкай, заложник фатума;
Поздно прошлое класть на весы;
Окончание ультиматума
Близко — считаные часы.

Это проще тебе — обезличенному —
Ставить подпись на договор.
Представители новой опричнины
Очень тихо заходят во двор.

Закрывают пути отступления
По протекции серых верхов;
Их задача — добыть искупления
Всех твоих предстоящих грехов.

Посмотри, сквозь прорехи заборные,
Соревнуясь, кто будет ловчей,
В твои окна нацелились чёрные
Пальцы искренних стукачей.

Всё. Пора. Но не жди возвращения —
Возвращения нет, Одиссей!
Из забора торчат превращения
Переплавленных прошлых друзей.

...Странно: вот ты идешь коридорами;
Неизвестно ни место, ни цель;
Есть лишь пара дверей, за которыми
Ждет спасительный узкий тоннель.

Из-за каждой двери доносится
Детский шёпот и песни сирены;
Манит дивная разноголосица;
Открываешь и видишь: стены...

Рано утром тебе, казематному,
Дополненьем к тюремной молве,
В пику стрёкоту автоматному
Донесёт свою трель соловей.

Вот он — шанс для тебя испытанного
Прочь от пыток и страшных хлопот,
От позора доселе невиданного
Выйти гордо на эшафот.

Будет больно и страшно, видимо,
Но в награду за этот шаг
Вознесётся, легка и невидима,
Потерявшая плотность душа.

Время бросить потуги бесцельные
И шагнуть в ослепляющий свет,
Чтобы встретить их дула нацеленные,
Чтобы встретить их... Тех, кого нет.

Нет намека, что будет побоище,
Нет судьи, палачей и зевак,
Ну, а умер ты или живой ещё
Непонятно, но что-то не так.

Баллада о гвоздях №2

Мы кованы из прочной стали
Дамасских гвоздарей;
Нас в кузне молотом пытали
И делали острей.
Крещёные огнём плавильни,
Из чрева матери-гвоздильни
Три брата, три гвоздя,
Мы вышли. А стезя,

Нам предназначеннная, торна:
Едва покинув жар,
Из плена пламенного горна
Мы едем на базар.
И там под шум восточных сказок
Приют дамаскцев и дамасок
Покинем наконец:
Нас заберёт купец.

И вот мы с вьючным караваном
На шёлковом пути;
Кочуем по волшебным странам,
Чтоб всё-таки прийти
К развязке длинной паутины
Дорог. В иные палестины
Нас путь завёл кривой.
Здесь примем жребий свой.

«Где, брат мой, сможешь пригодиться?» —
«Война — моя судьба!
И боевая колесница
Прекрасней, чем арба.
Я в колесе, опорой славе,
Надёжно послужу державе;
Как важная деталь,
Прославлю нашу сталь». —

«Я грежу о другой работе:
Мне ближе корабли;
Хочу уйти на лёгком боте
Подальше от земли.
Чтоб стержень мой пирамидальный
Крепил ветрило. К Фуле дальней
Приплыть когда-нибудь —
Вот это добрый путь». —

«А ты, где хочешь быть прибитым?» —
«Мечтаю о дворце,
О зале, золотом покрытом,
О царственном венце.
Я мог бы быть защитой трона;
Пусть знает властная корона,
Что маленький секрет
Хранит её от бед».

Но что же это? Тёмный странник
Несёт нас к той горе,
Где смерть, а с ней её избранник,
Страдают на жаре.
А мы — орудия расплаты,
Хотя ни в чём не виноваты.
Ну вот и пробил час —
В Него вбивают нас!

О Принц! О Лорд! О Искупитель!
Мы сможем удержать!
Позволь войти в Твою обитель —
Спасение стяжать!

* * *

Ради каких же стихов тебя у меня отобрали?
Смог ли я верно понять эту гиперзадачу?
Глади забвенья всё ближе — пора ускоряться.
Бог, очевидно, нуждается в свежих решеньях.

Ладно, быть может, что это какое-то новое слово
Или причудливо-странный ёмкий формат?..
Только тревожит догадка: а вдруг я свихнулся
И парадигма избранная — вовсе не метод.

Как бы то ни было, знаю, что рыпаться надо и стоит;
Стоит покуда стоит и не падает парус;
Если в замену песку будут сыпаться мысли,
И хоть одна из них вдруг да порадует вечность.

Ты остаёшься в заложниках тихой размеренной сладкой,
Даришь мне шанс для закладки изящного фйнта.
Вот он, смотри: неизбежно, хотя и украдкой
Рифма змейкой доползла до конца лабиринта.

Поэзия

Опустившийся гений

Евгений Жерноклев

Мне, как и большинству, в детстве
Нужен был герой.
У соседа по парте кто-то из «Бандитского Петербурга»,
У Юли — кукла Барби,
У Юры — Чип и Дэйл.
Он, кстати, стал потом программистом.
А у меня был Тайсон.

Приехал на лето к деду на дачу.
Дед тот еще удалец.
Учил ударам,
Смешно пародировал движения,
Гонял меня меж грядок.

Как-то вечером сели смотреть Тайсон — Холифилд.
Знатная мясорубка,
Как в фильмах про Сталлоне.
Тайсон кусает ухо.
Деду плохо.
Я еду домой.
С тех пор играю в шахматы.

оранжевая краска на деревянном окне

Татьяна Стоянова

оранжевая краска на деревянном окне
со временем выцветает до коричневой
впитывает в себя молдавское солнце
и становится похожей на высохшее
в жаркое лето невспаханное поле
я мою окна в доме своего детства
каждую ночь во сне
но никак не могу до конца стереть
черноту из глубины этих трещин
открываю глаза и вынимаю занозы
из своих онемевших от усталости пальцев
они стали слишком похожи на бабушкины
такие же коричневые
от времени и солнца

Поэзия

От боли отоспаться

Ана Май

Давай мы просто помолчим и
ляжем спать пораньше?
Я так хочу от боли отоспаться. Нет сил.
Быть может,
хватит миру этому потерять? Достаточно!
Ну сколько же можно силами тягаться?
Но нет,
то там война, то вирус здесь... А что ещё?
Боль плитой уже на нас ложится и
хрупкие тела, больные души
не в силах выдержать её уже.
Прячу саму себя от новостей,
сны стараюсь выбрать краше.
Картины с морем больные дыры мажут
вечерами на душе.

А я — неравнодушная к чужому горю
смотрю на аппетиты боли этой. А боль
сладострастные остряя свои вонзает в меня, поджигая рассудок.
Как молния играет сейчас в моём теле,
Испепеляя,
Раздевает меня, отнимая самое важное мне:

Радости жизни,
где любимый запах травы я слышу,
где воздух приятен на вкус и
Касание ветра любимо мне.
Где весеннее солнце целует лицо и
Осенние листья меня обнимают.
Где слышна музыка дождя по ночам
И наутро танцую под ливень.
Где волны детского озера лижут мне пятки
Я это помню.
И всё это — меня составляющее
Боль хочет отнять.
Цепенеет, противится душа,
Когда в неё врывается боль,
Отнимая лучшее во мне.
Подкупает. Мучает. Уверяет.
Улыбаясь, бесстыдно твердит,
что будет обитать только на окраинах души
изредка терзать унынием и грустью.
Допустим.

Но смогу ли также ощущать и видеть (вспоминать) всё то,
что так дорого мне
и во мне?

Наивно. Конечно, она не скажет.
Мне будет нерадостно и невкусно. Я знаю.
Предательски отрекусь от этих мелочей
большого внутреннего счастья своего.
Обыкновенного, но лучшего.
Наше внутреннее счастье — это то,
что спасает нас от никудышной,
суровой, жестокой реальности.
И в этом счастье есть не только маленькие
радости жизни. В нём есть вера и надежда
на пустынное, но точно будущее

Доброе и светлое.
Давай мы просто помолчим и
ляжем спать пораньше?
Я так хочу от боли отоспаться. Нет сил.
Сама к себе сегодня обращаюсь.

Поэзия

Ох, недобroe, недобroe дело, чего-то он хочет от меня

Милада Беллуюн

Ох, недобroe, недобroe дело, чего-то он хочет от меня
Я развлекалась, до ночи пела песни хлеще соловья
Ох, недобroe дело, чего-то он хочет от меня
Не меняя, менять теперь страны, менять и правду на вранье и крапленые карты
Размениваться на города

Ох, недобroe, недобroe дело, чего-то он хочет от меня
Думал, стану его полиграфом, заполирую раны, нарисую новую страну, расправлю одеяла и снова сплю
Нарастает драма, романы в письмах, хохотут давно над нами, мины разбирают на атомы, мало им
Мало ему

Ох недобroe, недобroe дело, чего-то он хочет от меня
Мама, я этой любви не хотела, игра разлетелась, ласкать теперь без любви
Тело
Так тебе и надо
Доигралась
Допелась
Кто ты теперь этому несчастному
Ни родина
Ни мать
Ни сестра
Ни жена

Пасхальное

Надежда Антонова

Нельзя объяснить жизнь, как нельзя объяснить историю Вайолетт Джессоп
Она болела туберкулезом, от которого умерли трое ее братьев и сестер, но осталась жива, всякое дыхание да хвалит
В 1911-м она была стюардессой на «Олимпике», который столкнулся с другим судном, и осталась жива (правда, тогда
выжили все, но могло быть и по-другому)
В 1912-м она была стюардессой на «Титанике», где погибло больше полутора тысяч человек, и осталась жива
Получила перелом черепа, когда в 1916-м ее чуть не намотало на винты уходящего под воду «Британника», и осталась
живая
И продолжала работать на океанских лайнерах, всматриваясь в себя и удивляясь
Она родилась в позапрошлом веке, дожила до восьмидесяти трех лет и умерла от сердечной недостаточности в 1971-м,
но мне кажется, она до сих пор жива и совершає очередное кругосветное путешествие
Смертию смерть поправ

Подари мне красную

Евгения Ливеровская

1.

Подари мне красную
улицу прекрасную,
синий сарафанчик, мама, подари.
Выйду я на красную
улицу прекрасную,
освещают синее платье фонари.

Белая-поспелая,
Школьным мелом делаю
На асфальте сером белые круги.
Мамочка состарится,
сарафан останется,
перешью на блузку, упадут враги.

И пойду на красную
улицу прекрасную,
освещают синюю блузку фонари.
Сильная и смелая,
что же я наделала.
Фонари сияют долго — до зари.

Улица прекрасная
блузка сине-красная,
на асфальте сером красные круги.
Белая-умелая,
медсестра дебелая.
Не печалься мама, радуйтесь враги.

2.

Вечер. Зима. Электричка.
Тёмный перрон, тишина.
Нет никого — привычка.
Жёлтый квадрат окна.

Нервный фонарь перекрёстка.

Зебра как жизнь моя.

Улиц кривая вёрстка.

Тёплых манжет края.

Порван билет на части.

Чётки глухих шагов.

Двери, соседка, здрасте.

Молнии сапогов.

Радости мерная ложка.

Счастья простая канва.

Смысла сухая крошка,

Горькая как халва.

Последний монолог Пандаруса

Христина Чисталева

Последний монолог Пандаруса

Из трагедии «Троил и Крессида» У. Шекспира, перевод с английского.

Что панацея для моих больных костей? О жизнь, о мироздание! Таким презрением награждать поверенных своих! О сводники и сутенеры, как добросовестно вы трудитесь, и всё напрасно! Отчего же наши потуги так хвалят, просят и лелеют, а как получат — так порицают и бранят? Какие строчки подобрать подобию примера? Позвольте-ка попробовать начать:

Как упоительно самцу пчелы поётся,
Покамест всё при нем и мед в рот льётся,
Но если кто его однажды превзойдёт —
И тон уже не тот, и горек мёд.

Успешные приспешники борделей, прошу вас вышить следующее на ваших гобеленах:

Перешагнув Пандаруса порог,
Поплачьте обо мне, а коли глаз иссох,
Я простонать прошу почтеннейших гостей
Для ублаженья не меня, а ваших же костей.

Братья и сестры лакеев потворства,
Впишу в завещанье вам всем без притворства.

Я кончил бы уже, но страх мне не велит,
Доколе гусь-чума Винчестера шипит.

Пока смердя в поту, в беспамятстве валяюсь,
Я передачей вам своих болезней совершаюсь.

Пре~~д~~чу~~в~~ст~~в~~ие

Маргарита Астанина

Мне не спалось той ночью.
Почему? Объяснить очень трудно.
Я не скажу, что была чем-то расстроена
Или что-то разъедало меня изнутри.
Меня совсем не тревожила ветка старого тополя,
Которая неустанно стремилась разбить отчего-то окно.
Это не было самоедством
И уж тем более не было ответной реакцией на резкую критику коллеги.
Почему-то ровно в полночь захотелось сделать уборку,
Переставить вещи, а все ненужное выбросить.
Не знала, чем занять руки, пришла в голову нелепая мысль
Начать вязать шарфик.
Было холодно и зябко на душе.
Тревога еще более усилилась.
Постепенно наступало 24 февраля 2022 года.

Рядом с бабушкой

Анастасия Сорокина

Рядом с бабушкой
Осталось
Одно место,
Заберу его
У мамы.

Мы о многом
Не успели
Поговорить.

<>

Не говори о луне и звездах,
Не говори о новом фильме,
Не говори о книге, которая тебя увлекла,
Не говори о матери, которая не может тебя вспомнить,
Не говори об отце, который вышел за хлебом двадцать лет назад,
Не говори о друзьях, которые смотрели, как ты тонешь в пять лет
И продолжаешь тонуть в двадцать семь.

Пожалуйста, просто не говори,
Дай словам встать комом в горле,
Дай словам задушить тебя.
Только не смей говорить о боли.
Иначе ты закричишь.

<>

Человек состоит из углерода, водорода, азота и воды,
Органических и неорганических веществ,
Из веры в нечто большее,
Из страха перед неизвестным
Из презрения к меньшему,
Из надежд, желаний
И социальных конструктов,
Из двух волков.

Я — человек,
Я учусь прятать
Клыки.

Поэзия

Святого прозвали Святым

Ирина Дюгаева

Святого прозвали Святым
За то, что он собой заслонил человека
От дула пистолета в руке другого человека.
Это было лет сорок с лишком назад,
Когда Святого звали Сашей,
Когда у него была семья — жена и двое детей,
Когда у него была работа — в научном центре РАН,
Когда у него была крыша над головой — квартира на Василеостровской,
Когда он улыбался каждому дню
И любил разглядывать картины в петербургских музеях и галереях.

После того случая с пистолетом,
Наставленным на другого человека
В подземном переходе
В бессмысленной стычке,
Без смертельного исхода
Что-то изменилось в Саше, и Сашей он быть перестал.
У Святого нет семьи — жена ушла и увезла детей в Пензу,
У Святого нет работы — с научного поста ушёл,
У Святого нет крыши над головой — квартира ушла с торгов за долги,
Святой живёт тут и там, у старых знакомых, новых собутыльников, старых битников,
Но Святой улыбается каждому мигу
И рисует карандашами детские рисунки в альбоме для рисования
Новой жизни.

Сидя В Вагоне, Всегда исчезаешь из жизни

Елена Солдаткина

* * *

Сидя в вагоне, всегда исчезаешь из жизни.
Ты на земле, но в каком-то ином измеренье.
Здесь начинают работать иные законы.
Тайное братство.

Связь прервалась.
А большая земля на экране.
Вечное время обеда.
Чистилище.
В каждом вагоне Вергилий
(Вергилка).

Как можешь знать ты,
Пройдя через рамки вокзала,
Прежний ли ты человек
Или кто-то иной?

Солнце оранжево-палевым маслом пlesнуло в лицо

Наталья Грозева

Солнце оранжево-палевым маслом плеснуло в лицо,
И ты на поле подсолнухов на секунду замедлил шаг.
Споткнулся, шлепнулся в цветы, вытянул усталые ноги.
Замаячило, защекотало память:
Все это уже было где-то с кем-то.

Когда-то среди снопов сена в июльском Овере
И посреди просыпающейся весенней Лубянки.
Мир прорывался из разорванных пулей тел,
Пропитывалась красным ткань, плавились мышцы от боли.
Один сразу растворился, оставив тяжкое тело на дне комнаты.
Другому выпало скулить и курить; осознавать и ждать.
Откуда тебе знать все это?

В кармане куртки померещилась холодная сталь:
Мешается, оттягивает.
Хлопаешь по бокам — только полупустая пачка сигарет.
Иногда тебе кажется, что земля полнится памятью,
Хочет поделиться тайным знанием, но просачивается лишь печаль.
Она густым варевом заливает до краев,
Красит волосы сизым,
Курсивом выделяет опечатки, оплошности, нестыковки:
Твоя жизнь на них так богата.

Черной кляксой печаль ползет по коже,
Сочится из зрачков, разъедает уголки рта, и ты замечаешь:
Дом разваливается, жена поджимает губы с обидой,
Раньше по комнатам голосили дети —
Теперь уехали в город, не звонят.
Мир блекнет, ссыхается, и ты с ним.
Но здесь в поле — цветы смотрятся в небо,
Пчелы мохнатыми шариками жужжат над травой.
Ты гладишь морщинистой рукой подсолнух.
И откуда-то в голове и груди вспыхивают зарева незнакомых слов,
Как их сложить — непонятно,
Тебе и в школе-то не слишком удавалось.
Невысказанные предложения толкнутся внутри, колют ребра.
Зарисовать бы все это цветенье, сберечь.

В немом вопросе всматриваешься во взлохмаченную облаками синеву:
— Каков чудак! Чего удумал...
Берешь брошенную сумку с инструментами.
Силуэт твоего экскаватора в тени деревьев кажется чудищем с клешнями.
Бредешь вдоль посадок, потерянный, мешковатый.
Печаль теснится в груди, она всегда там.
Чертополох цепляется к штанинам.
Ты отмахиваешься от себя, как от назойливой пчелы.

Сонет

Екатерина Копытова

У седой старухи вялогрудой
Только и надежд — больная птица
За окном, заставленным посудой,
Под волной веселенького ситца.

Раньше на карнизе слетались стаей,
Шелком перьев отражая солнце,
Но к отставшим жалости не знает
Стая и за птицей не вернется.

Нет зерна, да что там, нет и хлеба —
Только старых фотографий фрески.
Усмехнулась и, не глядя в небо,
Протянула руку к занавеске,

Сдернула. Лети, родная, в дом.
Все полегче — умирать вдвоем.

Сосны

Екатерина Морозова

* * *

Сосны
сцепились
такочно,
порочные,
слушают стук:
ломом
пытается
вскрыть
оболочку
рыбак.

Хочет впустить
в белый
вакуум
хоть что-нибудь,
кроме страха,
слепящего
белого
страха,
сковавшего
шаг.

Скрежещет
старуха:
«Приляг.
Это ложь все,
сынок,
не снег
ЭТО ВОВСЕ,
а ложе,
сынок,
из лебяжьего пуха».

И во снах
я иду
по следам.
И они
обрываются там,
где бурлит
и клокочет
земля,
оголенная,
как потаскуха.

Поэзия

Твои данные о мире устарели

Анна Бархина

* * *

Твои данные о мире устарели,
Мои — не были полными с самого начала.
При какой температуре слезы превращаются в пар,
А сухой лед — в воду?
Когда человек готов узнать правду?
И чем можно поступиться ради любви?

Ведь кто-то же умеет решать эти школьные задачки?
И верно отвечать на серьезные вопросы:
Каков сейчас курс жизни на этой земле?
Какой из оттенков неба самый настоящий?
И каким правилам стоит научить детей
При условии, что жизнь — это ошибка?

Телепорт

Елена Борзых

Если когда-нибудь
Изобретут телепорт
И мы начнем перемещаться
По всему миру
Силой мысли,
Сразу же исчезнут
Поезда дальнего следования,
Разноцветные вокзалы
И даже ларьки с шаурмой
На подмосковных станциях.
Как же мы будем жить
Без курочки в фольге,
Сканвордов
И звенящих ложек
В фирменных стаканах «РЖД»?
Кто бы ни изобрел телепорт,
Я буду уверена,
Что он никогда
Не ездил маршрутом
Саратов — Адлер.

Течение

Анастасия Алейникова

* * *

Приходи к заливу
Рифма leave и living,
Autumn leaves и либо,
Всё что мы могли бы

Долгий-долгий ливень
То же, что и длинный,
Состоит из линий
Рифма кто-то лишний

Лишний ли и лишь бы
Дальний или близкий
Глина или глыба
Всё где не могли бы
Выбрать либо либо

* * *

Шумит фонтан, цветёт сирень
Цветёт каштан, и звук сирен
Как будто бы всё тише

Так точно кто-то рифмовал
Вот синева, слова, провал
Поэты так не пишут

Ты остро чувствовал, и что
Здесь вспомнишь только решето
Всё утекает сквозь слова
И тишина права

И право есть у тишины
Когда излишни ненужны
Любые строчки и слова
Да, тишина права

И всё сдаётся тишине,
И хорошо, сдаётся мне,
И эта строчка обрыва...
И тишина права.

* * *

Музыка не звучит, и не льётся песня
В каждой из парадигм до смешного тесно
Эта картина сделана из обломков
Только взгляните

Прошу

Не смотрите только

Добрые тексты слишком приторны и беззубы
В злых не хватает света и веры в чудо
Вместо того чтобы всё собрать как в единый паттерн
Снова смотрю на карту, а там лишь пятна

Белые пятна, дыры, всяческие пустоты
Вечно один вопрос для себя же — кто ты?
Там где балансу поиску граней быть бы
Вечных противоречий лишь поле битвы

Вот она, червоточинка, маленькая, моя
Спрятанная от всех, невидимая змея,
Я приношу ей жертвы на крошечном алтаре
Цикл из повторений, цикл из повторе...

Вечных противоречий лишь поле битвы
Там где балансу поиску граней быть бы
Вечно один вопрос для себя же — кто ты?
Белые пятна, дыры, всяческие пустоты

Снова смотрю на карту, а там лишь пятна
Вместо того чтобы всё собрать как в единый паттерн
В злых не хватает света и веры в чудо
Добрые тексты слишком приторны и беззубы

Только взгляните

Прошу

Не смотрите только
Эта картина сделана из обломков
В каждой из парадигм до смешного тесно
Музыка не звучит, и не льётся песня

Вместо P. S.

Всё что легко вмещалось и находило место
К чёрту перемешалось — просится «тесте», «тексте»
В то, что подобный хаос правда рождает чудо
Стало поверить как-то совсем уж трудно

Либо его присвоишь, используешь, в материал
Всё-таки превратишь, либо ты пропал
Хаос и ты едины, конечно, но
Одновременно властвовать не дано

Всё что в тебе смешалось — смотри, смотри
Воспринимай как беды или дары
Пусть не даёт покоя, в тебе рождая
Нечто совсем иное, чем ожидали

* * *

Пропади из онлайн хотя бы на день
Своё самое чёрное платье надень
Отправляйся на берег московской реки
Расскажи ей какие вокруг дураки

Эта речка не те ещё слышала речи
Удивить её в общем-то нечем
Наблюдай, станут мысли легки
И сама стань теченьем реки

* * *

за неимением морей
мы выйдем к городской реке
увидим в отражении город
который тоже перевёрнут

(без продолжения понятна
простая мысль, и не надо
писать здесь что-нибудь ещё)
а отражение хорошо

напоминанием об изнанке
присутствии чего-то вне
(когда такие любишь знаки
им веришь больше, чем весне)

увидим в отражении нечто
что не опишешь нашей речью
как будто ты какой художник
и непременно видеть должен

неуловимое виденье
в узоре света или тени
на водной глади или ряби
как будто что-то вечно рядом

но стоит лишь на миг отвлечься
оно рассеется, исчезнет
смотри, здесь только корни, ветви —
и, забывая, веришь в это

но постепенно тает город
и остаётся перевёрнут
внутри реки, и вместе с ним
твой силуэт внутри весны

Поэзия

тут недавно в новостях показывали

Владислава Богданова

* * *

тут недавно в новостях показывали
что батискаф «Титан», который спускался к «Титанику»,
затонул,
подняв панику среди всех следивших за этими новостями.
когда гуглишь подробности, выясняешь,
что дело было так:
там было пять человек,
они были как мы с вами,
только побогаче.

они начали погружение ровно в четыре часа по местному времени,
связь с ними пропала через час сорок пять минут.

к слову, весь экипаж подписал договор, что ознакомился с возможным исходом,
после чего, заплатив двести пятьдесят тысяч долларов с носа, опустился под воду
и ушел на глубину четыре тысячи метров
или что-то около того.

запаса кислорода было на девяносто шесть часов.

ну, это если б совсем немое кино,
без задушевных разговоров на тему заплыва,
но представим, что воздуха осталось всего часа на три и их уже поднакрыло
пониманием правил игры,
вернее, ее конца.

что обычно делают люди в замкнутом пространстве
на глубине 4 тысячи метров и без связи с внешним миром?

бессвязно
зовут маму
играют в слова
или карты
плачут
дерутся
решают задачу
как выжить в невыживаемом контексте
поют песни
подбадривают друг друга до последнего
вздоха
смысла
звука
мелькнувшей мысли
в разреженном воздухе
снова плачут
и плачут без прудых
кислорода все меньше
а жизнь вспоминается чудной сказкой
зависают между жизнью и смертью
ищут подсказки вселенной
молятся
просят всех своих богов ускориться
в их спасении ведь времени почти не осталось
воздуха тоже
вспоминают зачем-то соседа Сережку
его кошку черно-белую по имени Дог
не спрашивайте почему
у людей шок
в общем-то, делают, наверное, все то же,
что делали бы мы с вами,
когда п****ц

и ты не смог справиться:
и так бывает, ты же не бог.
и тут случается имплозия
как дар божий,
как чуда венец.

имплозия, если что, —
это взрыв, направленный внутрь,
в противоположность взрыву, направленному вовне,
так говорит «Википедия»,
пока рядом в вагоне мрачный чувак скроллит ленту,
какие-то медиа слушает не дыша.

в общем имплозия звучит красивым выходом,
когда ты в батискафе и молишь о помощи беспомощно-беспощадным голосом в голове,
а над тобой километры воды
и киты.

и вот тебя услышали и даже спасли,
но, как часто это бывает, ты — это уже не ты
после этого взрыва, направленного внутрь:
как будто

ты самый на свете сдержаный человек,
в отличие от всех несдержанных
и взрывающихся

в метро
в кафе
на площадях и концертах
наружу
душой нараспашку.

ты все думаешь над этим,
расстегивая рубашку
в метро:
боже как душно
и когда эта жарища уже закончится
и так спать хочется
и зачем я поехал к чему вся эта суeta и мытарство
вдалеке от кондея.

нащупываешь в рюкзаке лекарство,
смотря на стильного парня с почти таким же рюкзаком рядом,
вплотную вжавшегося в тебя своим взглядом,
телом,
занявшим собой все поле зрения и даже больше,
слишком взволнованный и слишком потный, чтобы быть меньше чего бы ни было в этом вагоне.
так про что это я
ах да
каково им было, этим людям
в этом странном дурном приключении.
дико страшно, наверное.
в таком странном безвременьи плыть к своей смерти.
так, нет, бесит,
чувак, миленький, но так-то нормальные люди,
даже потные,
в час пик держат свои рюкзаки перед собой!
не ответил.
странно.
твое батискафное братство
летит сейчас рядом с тобой

под землей
в уже безвоздушном пространстве
к свету,
одобряя это, по делу сделанное замечание,
в конце концов час пик, ездят тут,
задевают всех своими рюкзаками.
тебе вдруг резко, отчаянно хочется к старой маме,
поесть котлеты,
погладить котика,
выкуриТЬ сигарету,
перед этим классно щелкнув в пальцах фильтр.
щелк.
вообще врач запретил, но когда сильно хочется, то, собственно, чего мучаться.
и тут раздаётся лёгкое ПОК где-то в районе сердца,
как будто лопнул пузырек воздуха.
парень рядом все-таки снял рюкзак и что-то нажал.
раздался взрыв.

Ты задумался В сорок о том, куда подевалась жизнь, хотя понял Всё ещё В десять

Наталья Пойраз

Ты задумался в сорок о том, куда подевалась жизнь, хотя понял всё ещё в десять
Она же завлекала тебя знаками, как пантомим на Невском
И постоянно подкидывала это чувство из детства: вот же, вот — это приводит тебя в восторг, только откажись от
готовых правил
Но ты провалил этот торг, от счастья себя избавил и стал подбивать цифры в маленьком кабинетике в замызганном
пиджаке
Продолжал чувствовать её кончиком ауры, но в твоём сундуке не хранятся дары, только подачки
На костях при рождении посмертное тату: «За всё надо платить»
Так что приходится пополнять заначку
У кого-то Рита Хейворт висит на плесневелой стенке
А у тебя от каждого стука, звука, громкого голоса, писка смски дрожат щупленькие коленки
Это там у них в Шошенке всё просто
А тебе бы выкормить двух медвежат, но она снова надумала тут рожать без спроса
Куда их столько? Всё равно вырастут и отправятся на парад рабов
А твоя спина уже состоит из одних горбов
Они клонят тебя к земле — нюхай, лижи, смотри: совсем скоро плоть твоя будет тут гнить
И, как назло, хочется жить, сука, очень хочется жить
Тебе бы полюбить себя, даже влюбиться, но где там
Ты птица со свёрнутой шеей
Так и будешь валяться в залитой бледной кровью чужой холодной траншее.

ты что делаешь?

Олег Седельников

— ты что делаешь?
— стою
— зачем?
— жду чуда
— где?
— ну пока в дверном проёме

дверь — магическое устройство
позволяющее ходить
сквозь стены
а окна —
сквозь стены смотреть
на лифте можно
парить над землёй
а на кровати —
исчезнуть отсюда

сплошное волшебство
чудо где-то здесь
?

дедушка спит
— дедушка... ты что, помер?
— нет, он репетирует

он часто мне говорил
что я тоже
буду
актером

уйти кстати
можно конечно
и через дверь
и в окно
и по-всякому
но суть одна
либо сгореть
либо замерзнуть

— единственный минус кремации — это то, что меня могут рассыпать
единственный минус захоронения — это то, что там нельзя встать
в дверном проёме.

У тополя

Елена Соколова

* * *

1. У тополя

Белое — это вата. Красное — это белое.
Знает любой охотник. Если желает знать.
Я почему зашла-то: помнишь, каре хотела,
но с записью было плотно (это хороший знак).

С Пашкой вчера бродили вплоть до сухих мозолей.
Тысяч по шесть натопали, домой заявились в семь.
Бражку на клюкве пили под огурцы в рассоле
прям на траве, у тополя (там никого совсем).

Я на своем стояла: сильные — это цели.
Цели не уцелеют, красное — это кровь.
Мы не того боялись и не для этих пели.
Мы для себя пели. И для тебя споём.

Знаешь, а ведь когда-то в мае на Красной площади
мы запускали в небо сотни цветных шаров,
ели воздушную вату, а после верхом на лошади —
какая сладкая небыль, как пузырьки в ситро.

Теперь мне почти что сорок. Можно и под машинку.
Да всё что угодно можно. И даже немодный клёш.
Ты мне ужасно дорог, друг дорогой Динка.
Сдачу оставь, пирожных ребёнку каких возьмёшь.

Ладно, давай, до связи. Ночь на дворе, ей-богу.
Моя вон уже зевает, погнали домой, в кровать.
Уважила дикобраза. Если объявят тревогу...
Теперь ведь и так бывает. Хоть не должно бывать.

2. Латте

Я сегодня с утра до глубокой ночи
Занималась спасением заблудших душ
Выслушивала истории
которые лучше бы никогда никому не слышать
Вытирала бурые лужицы на полу
чтоб не вздулись доски

Вытаскивала пинцетом занозы
Вытаскивала самое страшное
самое чёрное
самое гнилое
Разглядывала в упор
пристально
надеясь увидеть жизнь

Выписывала рецепты на промедол и снотворное
Накладывала мази, накладывала повязки
Мне говорили, что я клад, а не женщина
Некоторые молчали.

Связывалась с родственниками
с вдовами
с бывшими матерями
Называлась по имени, по должности
называла фамилии
позвывные
личные номера

Вызывала подмогу, копила силы
паковала чёрные пакеты
на пару с пахнущим бензином Василем

Обедала одноразовым латте из чёрного пакетика
Закусывая увесистым куском розовой докторской колбасы.

Готовила место для завтраших
для следующих
их тысячи

Кипятила скальпели
Утюжила кипенно-белые брюки
в четыре утра

Электричное

Екатерина Ихильсон-Дистрянова

Вечер марта, проза городская:
Переходы, блинная, «Магнит».
Станция Электрозводская
От дождя так празднично блестит.

Слышу издали я крики электричек,
Едущих сюда из-под Москвы,
Мне такой пейзаж давно привычен
Железнодорожной красоты.

Китель зелен, красные шевроны,
Кто же вы по званью, поезда?
Ипподром, Озёры, Мильгуново,
Мне сегодня все равно куда.

Я вдыхаю аромат железа,
Запах грязи, тамбурный табак,
Поезда, поднявши ирокезы,
Упłyвают из Москвы назад.

Что со мною? Я сама не знаю.
Сбереги от городской тоски
И вези-вези меня, родная.
Луховицы, Бронницы, Пески...

Я торопилась домой

Анна Дмитриева

Я торопилась домой,
Но зеленая ветка
На фоне синего неба
Подсвечиваемая фонарями
Дальными и ближними
Меня остановила
В самые лучшие моменты жизни
В самые вдохновенные
Мы одни

<>

Ночью когда никто не видит
Открытый шкаф
Показывает темноту своих полок
А отражающееся окно
В зеркале шкафа
Ночью показывает свет
Своих улиц

<>

Насвети мне в руку луна
Упади в мне в руку звезда
В самый центр ладони

Конкурс

Мастерская «Перевод с английского: от сериала до комикса»

Стипендию CWS

Осенью 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую «Перевод с английского: от сериала до комикса» Светланы Арестовой, Михаила Визеля и Игоря Мокина. Представляем работы победителей.

Конкурсное задание

Перевести отрывок из дневника Люси Мод Монтгомери.

Monday, Apr 4, 1910

Cavendish, P.E.I.

To-day, in going through an old trunk I came upon a “crazy quilt”. And I took it out and unfolded it and sat me down to study it and the memories of the past it recalled. When I was about twelve years old “crazy patchwork” had just come into vogue. It was “all the rage.” Everybody made at least a “crazy” cushion. Some few attempted quilts. I was among the latter.

The name was certainly an inspired one. “Crazy” such work certainly was—nay, more, rankly insane. To my present taste it is inexpressibly hideous. I find it hard to believe it possible that I could ever have thought it

beautiful. But I did think it; and I expended more “gray matter” devising ingenious and complicated “stitches” than I ever put into anything else.

I was from twelve to sixteen completing the quilt—five years; and verily it was “Love’s Labor’s Lost” for by the time I had finished it crazy patchwork was out of the fashion. My crazy quilt has been lying folded in that trunk ever since—and will continue to lie folded. Perhaps future generations may regard it as a curiosity as we look upon old samplers now.

Nevertheless, I felt many a tug at my heart as I looked over it to-day. It was compact of old memories; almost every gay piece or bit of embroidery called up some long-ago incident or place or face.

A great part of the delight of “crazy” work was the excitement of collecting pieces for it—silks, satins, velvets—for of no meaner materials might genuine crazy patchwork be made. Old boxes and drawers were ransacked and long hidden bits of finery joyfully found and used. Contributions were levied on all my friends. Did one get a new dress or hat a bit of the trimming must be begged. Sometimes the work was at a standstill for weeks because of lack of scraps. But eventually enough were collected and the quilt completed—a quaint cipher of many and many an old gayety and vanity and heartbeat.

There are many pieces from dresses of my mother and aunts in that quilt. Many wedding

ПЛАШНЯ

dresses figure there. And all are covered with intricate stitching. The result is a very nightmare of jumbled hues and patterns. And once I thought it beautiful!

Well, after all, it gave me pleasure in the making and so what matters if the result was not worth while? I had “the joy of the working” and that was the essence of heaven.

Яна Сарваиская

Понедельник, 4 апреля 1910 года
Кавендиш, остров Принца Эдуарда

Сегодня, перебирая содержимое старого сундука, я обнаружила лоскутное одеяло. Я достала его, расстелила и стала разглядывать, погружаясь в воспоминания. Когда мне было лет двенадцать, техника «дикие лоскутки» только появилась. Это было последнее слово моды. Лоскутные подушки мастерили все без исключения. Некоторые замахивались на одеяла. В том числе и я.

Трудно было придумать более подходящее название. Вещи и впрямь были дикие, да что уж там — совершенно безумные. На мой нынешний вкус, просто невообразимые. С трудом верится, что когда-то я считала их красивыми. И тем не менее, я считала. И вкладывала в эти сложные, замысловатые стежки столько умственных усилий, сколько не вкладывала ни в одно дело.

Я начала шить одеяло в двенадцать лет, а закончила в шестнадцать — поистине сизифов труд, ведь за это время «дикие лоскутки» успели выйти из моды. С тех пор одеяло лежит в сундуке и пролежит там еще долго. Быть может, для потомков оно будет представлять интерес, какой для нас сегодня представляют старинные вышивки.

И все же, рассматривая лоскутное одеяло, я почувствовала, как сердце мое сжалось. На меня нахлынули воспоминания, каждая яркая заплатка, каждый вышитый кусочек вызывали в памяти какое-нибудь событие или место, или чей-то образ.

Особое удовольствие я получала, подбирая материалы. Шелк, атлас, бархат — на «дикие лоскутки» шли самые изысканные ткани. Я рылась в старых шкатулках и комодах, с восторгом отыскивала и пускала в дело то, что осталось от пышных нарядов. Все мои подруги вносили свою лепту. Стоило им обзавестись новым платьем или шляпкой, я непременно выспрашивала какой-нибудь кусочек. Порой новых лоскутков приходилось ждать неделями. Но в конце концов их набралось достаточно, и одеяло было готово — причудливый шифр, сочиненный из остатков былой роскоши, милых пустяков и частичек человеческой души.

В этом одеяле так много от нарядов моей матери и теток! Деталей свадебных платьев. И все соединено хитроумными стежками. Чудовищное нагромождение цветов и форм. Но до чего прекрасным оноказалось тогда!

Что ни говори, а шила я с удовольствием, и так ли уж важно, что вышло не слишком красиво? Я испытала «радость созидательного труда», и это было величайшее блаженство.

Алексей Кондаков

Понедельник, 4 апреля, 1910 г.

Кавендиш, Остров Принца Эдуарда

Сегодня, разбирая старый сундук, я откопала стеганую «пестрянку». Я достала ее, развернула и села, чтобы посмотреть на нее получше и погрузиться в воспоминания,

которые она во мне всколыхнула. Шитье «пестрянок» вошло в моду, когда мне было лет двенадцать — тогда, помнится, все на них будто помешались. Всякий расшил хотя бы одну пеструю подушечку, а некоторые взялись делать целые лоскутные одеяла — я была как раз в числе последних.

Название этим изделиям, вот уж впрямь, дали меткое. Выглядели они не просто пестро, а, говоря без обиняков, совершенно сумасбродно. На мой нынешний вкус они мне кажутся невыразимо безобразными, и трудно даже представить, что когда-то я могла считать их красивыми. И все же считала, и корпела над выдумкой новых затейливых и необычных вышивных узоров для своей пестрянки столько, сколько не корпела больше ни над чем и никогда.

Я работала над пестрянкой пять лет — начала, когда мне было двенадцать, и закончила в шестнадцать. То были, воистину, «бесплодные усилия любви», потому что к моменту, когда я ее доделала, «пестрое» шитье уже вышло из моды. С тех самых пор моя пестрянка так и лежала, аккуратно свернутая, в этом сундуке — и в нем же и останется. Быть может, будущим поколениям она будет любопытна так же, как сейчас образчики старой вышивки любопытны нам.

И все же, когда я сегодня глядела на свою пестрянку, струны в моей душе звенели одна за другой. Она как сборник воспоминаний, где каждая цветастая заплатка, каждый вышитый узор пробуждает в памяти какое-нибудь событие, место или лицо из далекого прошлого.

Значительную часть удовольствия от всего процесса работы над одеялом составляла радость охоты за новыми лоскутками — клочками шелка, атласа, бархата и других благородных тканей, без которых немыслима настоящая пестрянка. Я ворошила старые ящики и комоды, с замиранием сердца извлекала со дна давно утерянные обрывки роскошных нарядов и тут же пускала находки в дело. Все мои друзья были обложены налогом: если у кого вдруг появлялось новое

платье или шляпа, они непременно должны были пожертвовать мне какой-нибудь обрезок от обновки. Иногда работа над пестрянкой вставала на несколько недель из-за отсутствия подходящих лоскутков, но рано или поздно что-нибудь все же подворачивалось под руку, и однажды одеяло было готово — цветастое полотно, на котором тайнописью были запечатлены бесчисленные прошлые радости, устремления и волнения.

В этой пестрянке много лоскутов из старых платьев моей мамы и тетушек — в том числе из платьев свадебных, и вся она расшита затейливыми стежками. Кошмарная мешаница цветов и узоров — вот плод моих трудов. Трудно поверить, что однажды она мне радовала глаз!

И все же я работала над своей пестрянкой с удовольствием, так что какое мне дело до того, что получилось в итоге? Я переживала радость труда, а в ней и заключается суть блаженства.

Анастасия Дергачева

Понедельник, 4 апреля 1910 года

Кавендиш, остров Принца Эдуарда

Сегодня, перебирая содержимое старого сундука, я наткнулась на «сумасшедшее» лоскутное одеяло. Стоило лишь достать и развернуть его, как меня захватили связанные с ним воспоминания. Мне было около двенадцати, когда «сумасшедшее» шитье приобрело популярность. То был последний пик моды! Каждая сшила по крайней мере подушку из стеганых лоскутков. Встречались и такие, кто замахнулся на одеяло — и я среди них.

Название, без сомнения, было говорящим: готовые вещи выглядели сумасшедшее, если не сказать хуже. Сегодня они кажутся мне попросту уродливыми. Трудно поверить, что такое когда-то приходилось мне по вкусу, однако это так. Более того, на выдумывание оригинальных и причудливых стежков я потратила больше «серого вещества», чем на что-либо другое.

Я начала мастерить свое одеяло в двенадцать и закончила в шестнадцать — пять лет! И воистину это были «бесплодные усилия любви», ибо к тому моменту, как я закончила, лоскутные одеяла уже вышли из моды. Моя работа отправилась в сундук и пролежала там все эти годы. Быть может, у будущих поколений она еще вызовет такой же интерес и почтение, с каким мы относимся к гобеленам.

Как бы то ни было, сегодня у меня защемило сердце при взгляде на мое старое одеяло. Оно целиком состояло из воспоминаний: каждый яркий лоскуток и фрагмент вышивки были связаны в памяти с каким-либо местом, человеком или событием, случившимся много лет назад.

Наибольшее удовольствие в процессе работы я получала от подбора лоскутков: шелковых, атласных, бархатных — подлинное «сумасшедшее» одеяло не могло быть сшито из иных, менее капризных тканей. В поисках материала для работы я обыскивала и переворачивала вверх дном коробки и ящики комодов, с азартом извлекала старые, давно убранные за ненадобностью наряды. Со всех моих подруг собирались «пожертвования»: шил ли кто-нибудь новое платье или шляпу — я всегда выпрашивала лоскуток. Случалось, из-за отсутствия подходящих обрезков работа вставала на недели. И все же, в конце концов лоскутки были набраны и одеяло закончено — причудливый калейдоскоп, состоящий из радости, суеты и биения сердца.

Я узнаю в нем фрагменты платьев моей матери и моих тетушек. Множество чужих свадебных платьев. Все эти лоскутки покрывает замысловатая вышивка, с тем чтобы в finale явить миру кошмарную смесь разнообразнейших оттенков и узоров. И когда-то это шитье казалось мне красивым!

Что ж, в конце концов, я получала удовольствие от процесса, и так ли важно, стоил ли того результат? Я находила радость в работе, и в том состояла ее божественная суть.

Конкурс

Мастерская «Поэзия: как писать стихи и выступать»

Стипендию CWS

Осенью 2023 года в Creative Writing School проходил конкурс на получение стипендий в мастерскую «Поэзия: как писать стихи и выступать» Евгении Коробковой. Представляем работы победителей.

Конкурсное задание

Напишите стихотворение на одну из тем: «Зима», «Вино», «Любовь».

Шумара Елена

Старушки

Наутро небо чихало кашей,
и дом спросонья скрипел и кашлял.
Лежали, словно бокалы в вате,
старушки в тёплых своих кроватях.
Старушки зубы снимали с полки,
и пол неспешно клевали палки.
Зевали кошки на всех матрацах,
в ковшах, толкаясь, варились яйца.

А там, у дома, скреблись лопаты.
Старушки рьяно чесали патлы,
и, в кофты кутаясь одиноко,
сползали в кресла у зимних окон.
С таблеткой, чаем и карамелью,
в тряпичных тапках, побитых молью,
кто полусидя, кто полулёжа,
они глазели на жизнь прохожих.

Одной старушке в очках для близи
не видно было, «что дейтсѧ снизу».
Она окно, побеждая хилость,
открыла и... за окно свалилась.
Другие стали трястись от смеху
и в этом, кажется, дали маху.
Они в проулок, белы и хрупки,
тотчас посыпались снежной крупкой.

Но, не достигнув твердот асфальта,
старушки сделали пару сальто
и, будто шарики с лёгким газом,
в седые тучи взметнулись разом.
Они летели, надув подолы,
внизу постелью стелились дали,
внизу мелькали огни и лица...
а город думал, что в небе – птицы.

Казалось, небо счихнёт бедняжек
(как рано утром счихнуло кашу).
Но нет. Старушки летели клином
с подагрой, тиком, холестерином,
на юг, сквозь мглу и дождя осколки.
Остались дома родные скалки,
пакет пакетов, штанцы и блюдца...
Я загадал: пусть они вернутся

Елена Андреева

Мокрый снег за окном под вечер,
Фотографии: вот я, с краю.
Мои руки тебе на плечи
Упадут и растают.

Люся Бякина

Каким был мой первый снег
когда детская ножка коснулась
белого покрывала
зима меня воображала
и я её воображала
мы спорили с ней о ёлках
подарках, праздничных тортах
зима в колыбели качала
баюкала голосом мамы
поднимала до люстры, кружила
бережно руками папы
первый снег напугал
и чуть не заставил плакать
так мне сказали позже
что боялась ступать, оставлять следы
теперь они в стольких зимах
и столько же зим у меня спит внутри.

Софья Перелыгина

Графика винного цвета.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встрети текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023